

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

А. Воейкосымъ.

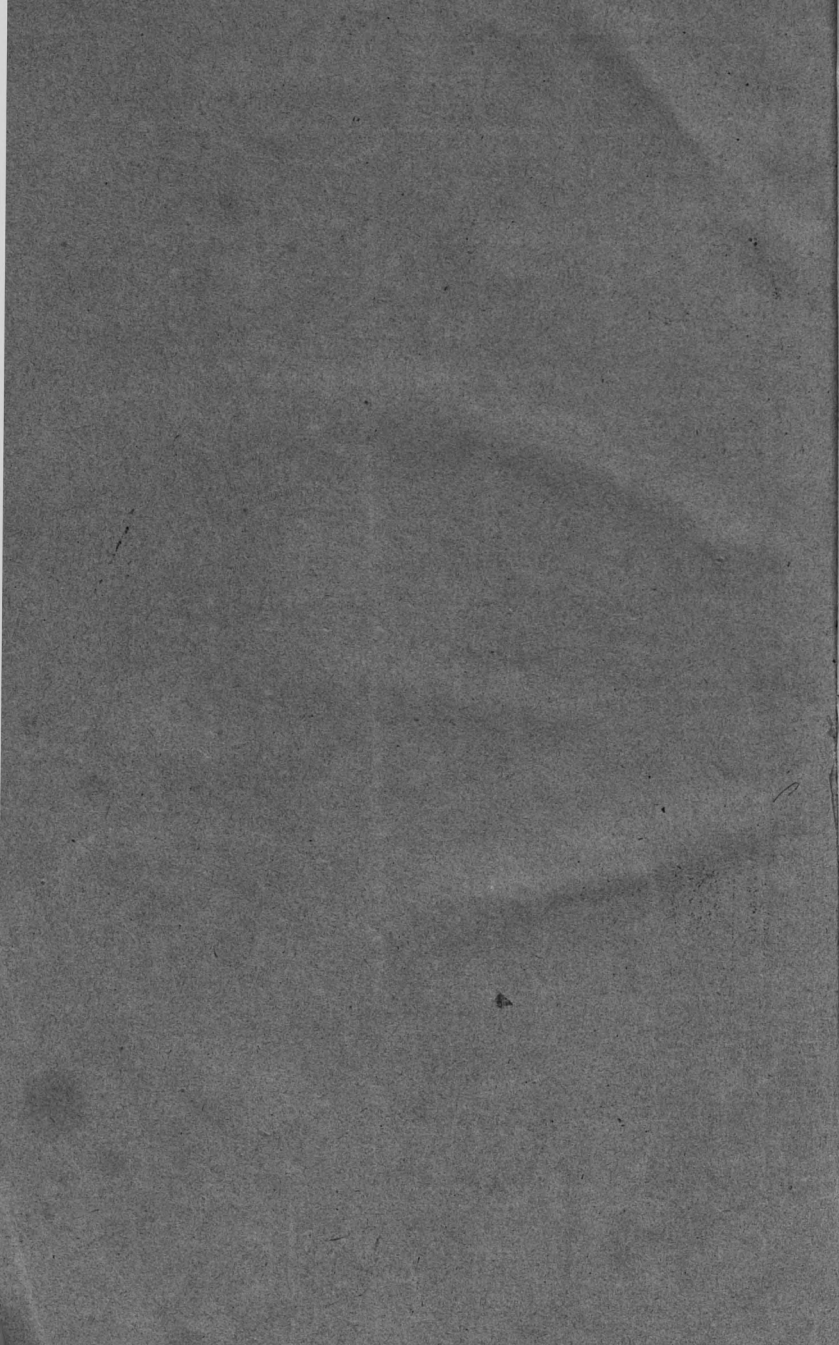
Январь, 1826.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Проза.	Стр.
Корсаръ пѣснь претія. (Изъ <i>Бейрона</i>)	1.
Часть смерти, повесть	29.
СТИХОТВОРЕНІЯ.	
Русалка, <i>Баллада</i>	36.
Княгиня Зененда Александровна Волконской	38.
Геній	39.
Старцу-Герою	40.
Къ Русскому народу	41.
Сашъ-Казначеву	—
Романсъ	43.
Алинь	—
Эпитафія	44.
Разлука	45.
Много ли надобно?	46.
Кипарисъ	47.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Печашано въ Военной Типографіи.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

Январь, 1826.

ПРОЗА.

КОРСАРЬ.

Come vedi, ancor non m' abbandona. (Dante.)

Письнь третія.

I.

Солнце, еще блистательнѣйшее при закатѣ, мало по малу скрывалось за холмы Морей. Здѣсь не такъ, какъ на Сѣверѣ; ни одно облако не помрачаетъ яркаго его сіянія; лучъ его упалъ на тихое море и позолошилъ лазурныя волны его. Древнія скалы Эгины и острова Идры еще осыпаны блескомъ вечеряющаго дня: солнце, какъ бы неохотно ославляетъ мѣста сіи, гдѣ оно любилъ являться во всемъ великолѣпнѣи, хотя олшари его разрушены. Вдругъ славный заливъ грознаго Саламина подернулся легкимъ сумракомъ: однѣ шолько синеватыя вершины горъ увѣнчаны багрянымъ сіяніемъ поухающаго свѣшила дня; наконецъ, простершимся надъ землею и водами пѣнямъ, оно сокрыло позади Делфійскаго утеса свѣшлый ликъ свой.

Предъ наступленіемъ подобной ночи, въ которую погибъ добродѣшльнѣйшій изъ людей, солнце блѣднѣе свѣсило надъ Афинами. Съ какимъ беспокойствомъ друзья его исчисляли каждую минушу шого дня, кошорому надлежало бышь послѣднимъ для мудреца, на смерть осужденнаго! Помедли, говорили они ему, еще солнце сіяеть за холмами, еще не близокъ часъ разлуки. Какъ горесшно зришь на свѣшь очамъ, кошорыя смерть закрышь гошева! для нихъ злашыя верхи горъ кажутся одѣшыми въ сумракъ; самый Фебъ, какъ бы впервые, изливаль шусклое сіяніе съ благословенныхъ небесъ Греціи. Но еще не погасъ послѣдній лучъ его за вершиною Киѳерона, а роковая чаша уже испишá. Не спало шого, кшо не хошѣлъ спасашь себя ни бѣгшвомъ, ни малодушнымъ униженіемъ, чья жизнь и смерть была при-мѣромъ для пошомшва.

Но Царица ночи уже распросперла свой покровъ надъ вершинами Гимета и долиною. Серебряное чело ея опкрышо. Ни одна шуча, предвѣспница бури, не помрачаешь яснаго свѣшила ночи: вошь лучи его опразились на карнизъ мраморнаго шполпа и сообщили блескъ свой полумѣсяцу, мелькающему на ошромъ шницѣ Минареша. Вдали показались ма-сличныя роци; Кефисъ, медленно кашящій свои воды; печальныя кипарисы, возвышающіеся около мечешей; прелестныя кіоски, испещренныя разными красками; сѣнисшыя пальмы, окружающія храмъ Тезея: всѣ сіи предметы, шоль разнообразныя,

очаровывающъ зрѣніе и смертному не возможно взглянуть на нихъ безъ чувства.

На краю небосклона видно Эгейское море; укропивъ ярость свою, оно величественно развиваетъ свои золотыя и сафирныя волны, между шѣмъ, какъ возвышающіеся посреди водъ его острова развѣшивающъ вдали завѣсу шѣней, коихъ угрюмый видъ составляетъ рѣзкую противоположность съ улыбающимся моремъ.

II.

Время уже возвратишься къ предмету нашихъ пѣсней. Но кто не забудетъ своей лиры при видѣ морей, омывающихъ ваши берега, Аѣны! при одномъ имени вашемъ исчезающъ всѣ другія воспоминанія! Кто можетъ насытиться зрѣлищемъ сего древняго города при закатѣ солнца? — Не говорю уже о томъ, чье сердце не знаетъ ни времени, ни разстоянія; о томъ, кого непреодолимая прелесть влечетъ къ Цикладамъ. Такъ, воспоминаніе о васъ не чуждо моимъ пѣснямъ. Вы нѣкогда владычествовали надъ островомъ моего Корсара: о, когда бы вы опять, возвращая свою свободу, предписали ему законы!

III.

Солнце поухло. *Медора* сидитъ на холмѣ подлѣ пылающаго маяка. Сердце ея мрачнѣе ночи.

Прошло шри дня: *Конрадъ* не возвратился вопреки своему обѣщанію. Никто изъ его товарищей

не является. Въсѣрь дуешь попушный, хошя слабо его дуновение и буря не бушуеть.

Корабль Ансельма вошелъ въ заливъ. Какія припесь онъ въсши? Онъ не вспрѣшилъ *Конрада*. Ахъ, еслибъ онъ дождался сего корабля: по конечно былъ бы счастливѣе! — Подулъ вечерній въсѣрь. *Медора* цѣлый день не опшодила очей опъ моря: каждый предметъ въ дали казался ей нарусомъ и оживлялъ ея надежду. Съ мучительнымъ безпокойствомъ она бродитъ одиноко по морскому берегу, не чувствуя, что брызги разбивающихся волнь оросили ея одежду, что время уже оставишь берегъ. Она все забыла, ничего не замѣчаетъ и ошаетъ у берега: одну шолько сердце ея объяшо холоднымъ шрепешомъ. Въ семъ жестокомъ соешояннн, она перешаетъ въришь надеждъ: незапное появленнє *Конрада* лишило бы ее жизни или разсудка.

Наконецъ пришла къ берегу разбишая лодка. Эшо Корсары: они скоро примѣшили шу, которую искали. Многнє изъ нихъ ранены; все доказываетъ, что они прешерцѣли поражение. Какъ спаслись они, едва сами эшо знаютъ. Не смѣя показанъся, каждый выжидаетъ, чшобы кто-нибудь изъ шоварищєй сообщилъ свои печальныя догадки объ участи *Конрада*. Моженъ бышь, они осмѣлились бы произнєстъ нѣсколько словъ, но, кажется, опасаются присушшвнл *Медору*. Она ихъ поняла; она не шрепещетъ, не изнемогаетъ подъ бременемъ своей горести.

Нѣжныя чершы *Медоры* скрывали сильныя чувствованія, кошорыя обнаруживались шолько въ важныхъ обстоятельствахъ. Она могла предаваться нѣжности, могла плакать, пока еще дышала надеждою: но когда все погибло, чувствительность ея не умерла вмѣстѣ съ надеждою; она была шолько усыплена и эшошъ минушней сонъ оживиль въ ней мысль: „когда нечего любишь, тогда нечего спрашишься.“ Эша сила души можеть назваться болѣе сверхъестественною: она походитъ на бредъ въ припадкѣ горячки.

„Вы скрываете ошъ меня шайну“ — говорила она — „я не хочу знать ея!.. Для чего же вы не смѣете говоришь, не смѣете дышашъ? Я знаю все... однакожъ мнѣ хотѣлось бы сдѣлать вамъ нѣсколько вопросовъ... Слова замирають на ушахъ моихъ... Скажите одно слово: что сдѣлалось съ *Конрадомъ*?“ — Не знаемъ, отвѣчали нѣсколько голосовъ: мы едва могли спасти жизнь свою бѣгствомъ... но рошъ одинъ изъ нашихъ поварищей, кошорой увѣряешь, что Ашаманъ не умеръ: онъ видѣль его раненаго, въ пѣлу, еще живаго. —

Она ничего неслыхала болѣе; всѣ мысли, кошорыя она, за минушу предъ шѣмъ, спаралась разсѣяшь, спѣснились въ душѣ ея. Печальныя слова сіи поразили ея сердце; она колеблется и падаетъ въ обморокъ. Морскія волны спѣшашъ приняшь жершву, назначенную для иной могилы. Суровые воины лешашъ къ ней на помощь; въ глазахъ ихъ

блеснуло чувство жалости. Они орошаютъ сіи блѣдныя ланиты горькою водою; поднимаютъ *Медору*, навѣвають на нее свѣжій воздухъ; она открыла глаза, позвала своихъ прислужницъ: тогда Корсары сдали имъ шу, кою глубокая горестъ раздираетъ имъ сердце. Потомъ они, приходящъ въ пещеру Ансельма и рассказываютъ ему о своей крашкременной побѣдѣ.

IV.

Въ семъ дикомъ сонѣ слышны одни только крики бѣшенства и ужаса, войны и мщенія; никто не хочетъ и слышать о мирѣ, о посыдномъ бѣгствѣ. Духъ *Конрада* еще живъ въ его поварищахъ и сохраняетъ ихъ отъ опчаянія. Какая бы участь его ни ожидала, сердца, привыкшія ему повиноваться, клянущая освободить своего предводителя, или опмстятъ за него. Горе его непріятельямъ! У него осталась еще горсть храбрыхъ, коихъ опважность равна ихъ къ нему преданности.

V.

Въ шайныхъ черпогахъ *Гарема*, *Сендъ* вымышляетъ казнь для своего плѣнника; мысли его волновались и любовью и ненавистью: *Гюльнара* и *Конрадъ* попеременно его занимали. Прелестная невольница ожидала у ногъ его счастливой минушы, когда чело его прояснится. Огненные глаза ея подсперегаютъ взоръ *Сенда*, чшобы возбудить въ немъ нѣжность. Но хитрый Паша дѣлаетъ видъ, будшосо вниманіемъ перебираетъ свои чешки, между

шѣмъ, какъ душа его заняша карпиною мученій своей жершвы.

„Блишпашельный Паша! сказала она прервавъ молчаніе — счасіе шебъ улыбнулось; побѣда шебя увѣичала. Ашаманъ въ плѣну; разбойники разсѣяны. Приговоръ его произнесенъ; онъ долженъ умереть и заслужилъ смерть. Но казнь его можешь ли насыпишь швою ненависшь? Давъ ему мгновенную свободу; не благоразумнѣе ли будешь позволишь ему выкупишь себя цѣной его сокровищъ? Безчисленныя богатства его обрашились въ пословицу: ошь шебя зависишь сдѣлашься ихъ обладашелемъ! Впрочемъ, *Конрадъ* падшій, ослабленный рѣшишельнымъ пораженіемъ, строго надзираемый, вездѣ преслѣдуемый, не минуешь рукъ швоихъ. Но если казнь его совершишься, шо ошпашки войска его, собравъ всѣ драгоцѣнносши, найдущъ убѣжище подъ другимъ небомъ.“

— *Гюльнара*, когда бы мнѣ предложили за каждую каплю крови его по Сулшанскому алмазу, когда бы за каждый его волосъ обѣщали мнѣ золошыя горы, когда бы разсыпали передо мною всѣ сокровища, о кошорыхъ писано въ Арабскихъ сказкахъ, и шогда не согласился бы я освободить Корсара. Казнь его давно бы совершилась, еслибъ онъ не былъ въ моей власши и обремененъ оковами, если бы жажда моего мщениа изобрѣла самую продолжисельную и самую люшѣйшую для него пышку. —

„Ты правъ, *Сендъ*. Не хочу удерживать твоего мщенія; оно справедливо; здѣсь не мѣсто жалости. Я только желала видѣть тебя обладающимъ сокровищъ нашего врага: выкупленный, лишенный полковины своего войска и всѣхъ своихъ способствъ, онъ по первому твоему мановенію, опять будешь твоимъ пѣнникомъ.“

— По первому мановенію! мнѣ выпустишь этого разбойника, когда онъ уже въ моихъ цѣпяхъ! Дашь свободу моему врагу! для кого же? Для тебя, прелестная заступница! Вотъ слѣды признашельности, внушенной минушимъ порывомъ челоуколюбія, которому невольницы мои обязаны жизни... Правда, онъ не зналъ цѣны пощаженной имъ крови. Въ этомъ случаѣ онъ стоишь моей похвалы и благодарности; но вотъ тебѣ мой совѣтъ: я давно уже за тобою примѣчаю, въломная! каждое слово твое подшверждаетъ мои подозрѣнія. Когда руки Корсара спасли тебя отъ пламени, не хотѣла ли ты бѣжать съ нимъ изъ гарема?... Не отвѣчай мнѣ: краска въ лицѣ твоемъ извѣщаетъ преступному сердцу. Хорошо, мой другъ! берегись! тебѣ должно заботишься не объ одной жизни *Конрада*... Еще одно слово: да будешь проклята минуша, когда онъ вырвалъ тебя изъ пламени! Лучше бы ты погибла... тогда бы я оплакалъ тебя со всею горячностью любовника: теперь, говоришь съ тобою твоей повелитель. Развѣ не знаешь ты, что я всегда могу остановить побѣгъ твой! Я наказываю не одними

угрозами за свои оскорбленія. Будь оспорожна, и помысли о казни, кошорая гошовишься швоему вѣроломшву. — —

Сендъ вспаль и медленно удалился, не переставая кидать грозные и спрашные взгляды. Эшо мало пронуло сію неробкую женщину; сердшое лице не имѣло для ней ничего ужаснаго. *Сендъ* худо зналъ могущество любви надъ нѣжнымъ сердцемъ, и на что можешь рѣшишьса мшишельность. Подозрѣнія Паши, казалось, оскорбили ее. Она не понимала еще, какъ глубоко укоренилось въ сердцѣ ея чувешво, изъ кошораго происекало ея соспраданіе. Она раба: каждый рабъ имѣеть право на участіе шѣхъ, кои лишены свободы. Забывъ собственное смяшеніе, она снова рѣшилась подвергнушьса гнѣву Паши и успѣла его успокоишь, тогда, какъ сама чувешвовала, что мысли ея приходяшь въ большій беспорядокъ, источникъ бѣдствій для женщины.

VI.

Дни и ночи текушь медленно для *Конрада*, безпрестанно возмущаемаго беспокойными мыслями. Еслибъ душа его не была выше ужаса, какъ шягосшно было бы для него время между спрахомъ и надеждою, когда каждая минуша напоминала ему о близкой казни, люшѣйшей самой смерти, когда всѣ шаги, повшоряемые опголоскомъ шемницы, казались ему шагами идущихъ къ нему палачей, гошовыхъ весши его на мѣсто казни, и каждый звукъ голоса счишалъ онъ послѣднимъ для своего слуха! Душа его,

гордая и въ самыхъ бѣдспвіяхъ, хопя и ушомилась, но умѣла еще сносить приливъ мыслей, гораздо ужаснѣйшихъ, нежели сраженія, въ которыхъ *Конрадъ* участвовала.

Жаръ бѣшвы, ревъ бури, не дають ослабѣть ни одной мысли; но бышь въ цѣпяхъ, въ мрачной шемницѣ, бышь жершвою тысячи мучительныхъ воспоминаній, углубляясь въ собственное сердце, упрекаешь себя въ ошибкахъ, которыхъ поздно уже исправись, и видишь приближеніе неизбѣжнаго будущаго; считаешь часы, раздѣляющіе насъ отъ смерти, не имѣя друга, котораго бы ободрилъ насъ, котораго бы подкрѣпилъ увѣренность, что жизнь не спойшь сожалѣнія; бышь окружену врагами, всегда гошовыми очернишь клеветною послѣднія минуты нашего бытія, видишь передъ собою пышку, которая хопя не можетъ поколебать швердосшь души, но будучи превыше силъ шѣлесныхъ, возбуждаетъ опасенія, чтобы вопли, испоргнушыя неспершимою болью, не похитили послѣдней славы у нашего мужества; разспашься съ жизнью земною безъ надежды на жизнь небесную, предоставленную однимъ праведникамъ и — ушрашишь несчастную подругу.... вопшь мысли, шперзавшія узника, вопшь муки болѣзненнѣ самыхъ смершныхъ судорогъ!

Такова участь *Конрада*; какъ перенесетъ онъ ее? Чшо до того нужды? Довольно, что онъ сохранилъ себя отъ опчаянія.

Проходитъ день, *Гюльнара* не являешся; прошекли вшорый и шреший, а ее нѣшь! Но съ помощію своихъ прелестей, она исполнила то, чего можно было ожидать ошъ нее. Безъ нее, *Конрадъ* не видалъ бы сіянія вшораго солнца.

Прошекъ чешвершый день; настушила бурная ночь. Когда *Конрадъ* съ жадносцію прислушивается къ шуму ярящихся волнь, никогда еще ненарушавшихъ его покоя: тогда его дикое воображеніе, оживленное любимую имъ спихією, воспламеняешся. Сколько разъ пролешалъ онъ по хребшамъ сихъ быспрыхъ валовъ; какъ любиль ихъ спремленіе, ускоряющее бѣгъ его! Теперь ревъ Океана, шщешно напоминаешъ знакомыми ему звуками, что малое шолько проспраншво ихъ раздѣляешъ.

Въшры прошяжно воюшъ; расказы грома пошрясаюшъ сводъ шемницы. Молнія сверкаешъ сквозъ рѣшешчашья окна: блескъ ея пріяшнѣе *Конраду* блеска луны; гремя шяжелыми цѣпями, онъ спраешся привлечь громъ, и поднимая закованныя свои руки, молишъ Небо умилосердишся надъ нимъ и ниспослашъ ему одну изъ спрѣль для его уничтоженія. Жельзо цѣпей его и нечешпивья мольбы равно призываюшъ громы. Гроза презришельно прошла мимо — и не поразила его. *Конрадъ* возшешалъ, какъ будшо бы невѣрный другъ опринулъ его моленія.

VIII.

Пробило полночь; легкими шагами кно-шо приближаешься къ шяжелымъ дверямъ шюрьмы; ошанавливается. *Конрадъ* слышитъ ешукъ заповровъ и печальный звукъ ключа въ замкѣ. Сердце его напередъ угадало, что это прекрасная *Гюльнара*: она была для него Ангель-Хранишель, прелестна, какъ надежда для узника. Но какъ перемѣнилась она со времени перваго ея къ нему прихода; щеки ея блѣдны, члены шрепещущь. Она бросила на *Конрада* смущный и прискорбный взглядъ, который ясно сказалъ ему: „ты долженъ умереть, такъ, умереть! Остаешься одно средшво спасши себя, средство ужасное, но пышка еще ужаснѣе.“

— *Гюльнара!* мнѣ ничего не нужно, говорю, повшоряю себя: *Конрадъ* никогда не перемѣнится! Къ чему спасашь жизнь несчастливца? за чѣмъ избавляешь его отъ казни, ожидающей его и слишкомъ имъ заслуженной? Такъ! я заслужилъ . . . и, можешь быть, не одинъ, мщеніе *Сенда*. — —

„За чѣмъ! ты хочешь знать, за чѣмъ? Развѣ не избавилъ ты *Гюльнару* отъ участи, злѣйшей самаго рабства? . . За чѣмъ! . . не уже ли несчаспіе скрываешь отъ глазъ швоихъ нѣжныя попеченія женщины? Признаешься ли себя? Хотя поль мой долженъ скрывать то, что я чувствую: не смотря на швои прешупленія, ты пронулъ сердце мое, ты вдохнулъ въ меня шрахъ, признательность, жалость, бѣшенство, любовь . . не отвѣчай мнѣ . .

не говори, что ты любишь другую, что моя любовь безнадежна. Пусть она равна со мною въ красотѣ, въ нѣжной къ тебѣ привязанности; но я презираю опасность, которая бы заставила шрепешать ее. Такое ли сердце достойно швоего? Ахъ, еслибъ я была швоимъ другомъ, ты не одинъ бы изнемогалъ въ плѣну! Подруга изгнанника, за чѣмъ позволяешь она супругу своему безъ нее мчаться по волнамъ Океана? какія заботы ее удерживають на швоемъ оспровѣ? но полно. . . . оспрый мечъ на волоскѣ виситъ надъ нашими головами. Имѣешь ли довольно ошважности? хочешь ли бытъ свободенъ? возьми эшошь кинжалъ и — слѣдуй за мною,“

— Слѣдовашь за тобою! но мои оковы! Звукъ моего ожерелья разбудитъ безпечныхъ спражей? Развѣ ты забыла эшо? въ шакомъ ли нарядѣ спасаюшся бѣгшвомъ? Можешь ли сей кинжалъ бытъ спрашнымъ оружіемъ въ битвѣ? —

„Человѣкъ недовѣрчивый! спража подкуплена, она всегда готова измѣнить за золото; скажу слово — и цѣпи спадушъ съ тебя. Безъ сообщниковъ могла ли я прийти къ тебѣ? Разшавшись съ тобою, я не напрасно прашила время; для тебя сдѣлалась прешупницей, для одного теба! — Но развѣ наказашъ *Сенда* есть прешупленіе? Онъ долженъ умереть, сей шيرانъ ненавистный. Ты содрогаешься; но душа моя перемѣнилась. Она глубоко поранена обидою и презрѣніемъ: она шребуешь мести. Меня подозрѣвали въ измѣнѣ, шогда, когда

я гнушалась ею, когда была слишком вѣрною, хоща каждой день пила горечь рабства . . . Ты улыбаешься, но ты повѣришь мнѣ: *Сендъ* несправедливо упрекалъ меня. Я еще не была невѣрна, еще ты не былъ мнѣ шакъ дорогъ. *Сендъ* самъ вызвалъ измѣну; сіи ревнивцы шираны, безпрестанно перзая насъ, сами заспавляющъ насъ мыслишь объ измѣнѣ; они заслуживающъ, чшобъ сбьлись надъ ними предсказанія, произносимыя гнусною ихъ клеветою. Я не любила никогда Паши; онъ купилъ меня . . . бышь можешь, слишкомъ дорого: ибо сердца моего не лъзя получишь цѣною золоша. Я была покорною невольницею: онъ говоритъ, чшо я хощѣла бѣжашъ съ шобою. Эшо ложъ; ты самъ знаешь; но горе подобнымъ ему вѣщунамъ! ихъ обиды ускоряющъ собышіе. Не думаешь ли ты, чшо онъ по моей прозьбѣ ошспрочилъ швою казнь? нѣтъ, сія минупная милосшь даешъ ему время избрѣсшь для шебя самыя люшѣйшія муки, а для меня жесточайшее ошчаяніе. Жизнь моя была шакже въ опасности; но глупая любовь его ошсрочила мщеніе. Оно вспыхнешъ, когда лице мое пересшанешъ ему нравишься. Тогда для меня ошкроешся роковой мѣшокъ, а ошсюда шолько два шага до моря. Допущу ли я, чшобы онъ поступалъ со мною по прихощи, какъ ребенокъ съ игрушкою, кошорой бросаешъ ее, когда сопрешся позолоша? Я шебя увидѣла, полюбила, обязана шебѣ всѣмъ, и хочу спасши шебя, хочу доказашъ могущешво благодарности

надъ рабоу. Слова Паши, произнесенныя имъ въ гнѣвъ, свяшо исполнились. Еслибъ онъ не угрожалъ опасностію моея жизни и чести, я могла бы освободить себя, пощадивъ *Сенда*; эшо правда. Теперь располагай мною; я на все гошова; ты не любишь меня, не узнаешь *Гюльнары*; можешь бышь ненавидишь ее. Увы! любовь, ненависть, я васъ не знала! для чего ты не можешь испытать меня? Ты не ошвергнулъ бы пламени, пожирающаго сердце, рожденное подъ симъ жаркимъ небомъ! Пламень сей для тебя спасительный фарось. Онъ указываетъ тебѣ въ пристани челнъ, управляемый Майношомъ; но намъ надобно пройти мимо спящаго пирана онъ не долженъ болѣе пробуждаться!“

— *Гюльнара! Гюльнара!* въ первый разъ еще чувствую всю жестокость своей участи. *Сендъ* врагъ мнѣ; мы въ ярости спремались на погубленіе другъ друга, но въ ошкрышомъ бою. Я предупредилъ его, я прилещѣлъ на корабль и скрестилъ мой мечъ съ его саблею; коварный кинжалъ никогда не будетъ моимъ оружіемъ. Кшо умѣешь щадить кровь женщины, шомъ уважаешь и жизнь спящаго непріателя. Мнѣ было пріятно спасти себя; не заславъ меня думаешь, что я оказала челоуколюбіе недоспойному предмету его. Проси, успокой свое сердце. Проходишь ночь, послѣдняя для моего успокоенія на этой землѣ. —

„И шакъ, покойся несчастный! солнце освѣтишь швои мученія и шрепещущіе члены на мѣстѣ

казни. Я слышала, какъ отданы были приказанія; видѣла приготовленія швоей казни; но я ее не увижу. Ты погибнешь и я съ побою.“

„Жизнь, любовь, ненависть, все, что привязываетъ меня къ землѣ, зависить отъ одного удара, а безъ него и бѣгство бесполезно. Какъ избѣжать отъ преслѣдованій *Сенда*?.. и забуду ли мои обиды, мою поруганную молодость, скучные годы, въ слезахъ проведенные?.. Местъ порукою за нашу безопасность. Если же кинжалъ не достоинъ руки швоей: по рука женщины пусть испытаетъ его. Стража подкуплена: *Конрадъ*, еще мнупа, и мы спасены — или погибли; когда слабая рука измѣнитъ мнѣ, тогда заря освѣтитъ швою казнь, а мое погребеніе.“

IX.

При сихъ словахъ она обернулась и исчезла прежде, нежели *Конрадъ* могъ ей отвѣчать. Онъ слѣдуетъ за нею съ видомъ изумленія и беспокойства. Не допуская, сколько ему было возможно, бряцая кольца тяжелыхъ цѣпей, онъ влечется по слѣдамъ *Гюлипари*, не встрѣчая никакой преграды. Темноша ночи и незнакомые переходы его останавливаютъ. Онъ не находитъ ни лампы, ни стражи. Въ створѣхъ блеснулъ слабый свѣтъ: иши ли впередъ, или бѣжать отъ этого свѣта, едва примѣтнаго? Случай направляетъ шаги его. Въ лице его пахнулъ свѣжій передразвѣщенный вѣтеръ. Онъ всупаетъ въ открытую галерею. На небѣ еще

горѣла звезда ночи; *Конрадъ* мало обращаетъ на нее вниманія; другой свѣшъ, выходящій изъ уединенной комнашы, привлекаетъ его взоры. Сквозь полуотворенную дверь онъ не видитъ ничего, кромѣ лампы. Кто-то пробѣгаетъ скорыми шагами, оспанавливается, возвращается и опять оспанавливается. Это *Гюльнара*! Въ рукѣ ея нѣтъ кинжала, нѣтъ никакихъ слѣдовъ злодѣянiя. „Слава Богу, говоришь онъ, сердце ея успокоилось! она не совершила убійства!“ Онъ размашриваетъ ее при спальнѣ; мелькнулъ упренный свѣшъ и смященный взоръ его пораженъ ужасомъ. Она сдѣлала движенiе рукою, чтобы расправить рассыпавшіеся по лицу и блоснѣжной груди ея волосы; кажется, что она теперь только вышла изъ задумчивости, сомнѣнiя, или ужаса. *Конрадъ* подходитъ ближе: шоропливая рука *Гюльнара* не успѣла спереть легкое пятно на ея чель; онъ замѣчаетъ цвѣшъ пятна и угадываетъ это слабый, но вѣрный знакъ преступленiя это капля крови.

X.

Конрадъ видѣлъ ярия бiшвы, онъ испыталъ все ужасы тюремнаго одиночества, грызущiе сердце преступника, ожидающаго люшой казни: онъ злодѣй и наказанъ. Еще руки его носили оковы, въ конхъ могъ онъ навсегда остаться. Но ни бiшвы, ни пошеря вольности, ни угрызения совѣсти, ни ужасное его положенiе, столь сильно на него не подѣйствовали, какъ эша капля крови.

Сердце его оледенело отъ негодованія. Одна капля крови омрачила прелести *Гюльнари*. *Конрадъ* не разъ видаль пекущую кровь, могъ смощрѣшь на нее безъ содроганія, не въ пылу сраженій, но рукою мужей проливаемую.

XI.

„Свершилось, сказала *Гюльнара*; онъ хопѣль пробудись и — погибъ. Свершилось; шы дорого мнѣ спѣишь! Теперь всѣ разсужденія бесполезны; убѣжимъ отсюда; корабль ожидаетъ насъ; заря уже занялась. Всѣ обольщенные мною, совершенно мнѣ преданы и гошovy приспашъ къ оспашкамъ швоего войска. Голосъ мой будешъ служишь мнѣ вмѣспо руки, когда мы понесемся по волнамъ и удалимся отъ сего ненавистнаго берега.“

XII.

Она хлопаешъ руками. По сему знаку Греки или Морейцы, поклявшіеся ей служишь, прибѣгаюшь въ галерею и спановяшся передъ нею. *Конрадъ* освобождень отъ оковъ. Онъ опять свободень, какъ вѣшеръ горъ; но погружень въ шакую горешъ, что вся шажешъ сихъ оковъ, казалось, упала на его сердце.

Онъ хранишь глубокое молчаніе. По знаку *Гюльнари* отворяешся пошвенная дверъ, ведущая къ приспани. Они удаляюшся отъ города, доспигаюшь песчаного берега, гдѣ скачуція волны усмиряюшь свою ярощъ. *Конрадъ* безмолвно за ними слѣдуешъ. Покорный вошь *Гюльнари*, онъ равнодушень къ спа-

сенію и къ предашельству. Всякое сопротивленіе казалось ему бесполезнымъ, какъ и шогда, когда бы живъ былъ *Сендъ*, гошовый насышишь мщеніе свое его казнію.

XIII.

Они кидаются въ ладью; попушный въшеръ вздуль паруса. Сколько различныхъ воспоминаній представилось воображенію *Конрада*! Онъ вышелъ изъ своей глубокой задумчивосши, когда показался огромный ушесъ, подъ защишою коего брошенъ якорь. Нѣсколько дней, послѣдовавшихъ за послѣднею пагубною ночью, показались для него въкомъ ужаса, мукъ и злодѣяній. Въ шо время, когда шѣнь ушеса просперлась надъ мачшою ладьи, *Конрадъ* закрыль голову; шяжкая горесшь имъ овладѣла: онъ вспомнилъ *Гонзальва* и своихъ поварищей, свое минушное шоржесство и бѣдшвенное положеніе; онъ думаль шакже объ осшавленной подругѣ, но когда онъ обернулся, глаза его упали на убійцу *Гюльнару*.

XIV.

Она вешащривалась въ чершы лица его, и не могла снести оледѣняющаго взора, ее опшвергающаго. Поздняя слезы смягчили мрачный и суровый взглядъ, ей чуждый. Она упала на колѣна передъ *Конрадомъ*, и схващивъ его руку, „пустъ Алла покараешъ меня, ты долженъ мнѣ просшишь,“ сказала она! Чшо было бы съ шобою безъ сего чернаго злодѣянія? Обременяй меня своими упреками, но удержи ихъ на минушу: я не ша, какою шибѣ кажусь: эша

ужасная ночь помрачила мой разумъ; умѣръгивъ свой. Еслибъ я не любила, то не была бы пресупною; но когда бы ты хотѣлъ сего, то не могъ бы показашъ мнѣ своей ненависти. Тебя не было бы уже на свѣтѣ.

XV.

Гюльнара не поняла мысли *Конрадовой*. Онъ обвинялъ не ее, а себя: онъ шеразается, почивалъ себя невольною причиною ея злополучій; но одно только глубокое и мрачное молчаніе избличаетъ тайную горестъ, его пожирающую. Между шѣмъ вѣсѣтъ понушнмй вѣшрѣ; море не волнуется; лазурныя воды кипяшъ, разѣкаемыя легкою ладьею.

На краю небосклона показалась шочка; скоро увидѣли машу, парусъ и вооруженный корабль. На палубѣ видны машросы. Округленные паруса быспро мчашъ корабль. Онъ величественно приближается; перуны его гошovy грянушъ.

Молнія блеснула въ глазахъ ихъ; ядро просвисало надъ головами и разрѣзало волны. *Конрадъ* поднялъ голову; давно забывшая радость блеснула въ глазахъ его: „эшо мой красный флагъ, вскричалъ онъ, я его узнаю, ободримся; у насъ есть еще друзья на Океанѣ.“ Корсары по данному знаку узнаюшъ своего повелителя и привѣшсивуюшъ его криками. Они немедленно спускаюшъ лодку и свершывають паруса. Не слышно ничего, кромѣ имени *Кснрада*. Никакая власть не уймешъ ихъ восшорга: съ радостью и гордосшью увидѣли они

его снова всступившаго на свой корабль. Улыбка смягчаетъ ихъ дикій видъ и они едва удерживають желаніе обнять его.

Конрадъ почти забылъ свои опасности и бѣдствія; онъ ошвѣчаетъ на ихъ привѣтствія, какъ привыкшій повелѣвать ими; пожимаетъ руку *Анселма*, чувствуешь, что еще можешь сражаться и побѣждать.

XVI.

Послѣ первыхъ минушь восторга, Корсары съ горестію помышляютъ о томъ, что возвращеніе *Конрада* не стоило имъ ни одного удара; они поднимають паруса и клянутся отмстить за него. Еслибъ они знали, что рука женщины похишила у нихъ славу освобожденія ихъ начальника, то бывъ меньше разборчивы, провозгласили бы ее Царицею. Съ любопытною усмѣшкою они изъясляютъ другъ другу свое удивленіе и внимательнo разсматриваютъ *Гюльнару*. Женщина, которая ниже и выше своего пола, которая не спрашивалась крови, смущается ошъ ихъ наглыхъ взглядовъ. Она обращаетъ слабый и умоляющій взоръ къ *Конраду*; опускаетъ покрывало и безмолшествуетъ. Руки ея сложены крестомъ на сердцѣ, которое съ тѣхъ поръ, какъ *Конрадъ* вѣтъ опасности, все прочее оставило судьбѣ. Не смотря на изсипленіе бѣшенства, коего она была жертвою, равно способная къ сильной любви и ненависти, къ злодѣйству и

добродѣтели, она, соверша убійство, оспалась женщиною.

XVII.

Конрадъ видѣлъ эпо. Онъ почувствовалъ вдругъ весь ужасъ ея злодѣянія и сожалѣніе объ ея несчастіи. Ручьи слезъ не сможуть пресупленія и гнѣвъ небесный нѣкогда ее постигнешь. Но онъ не забылъ, что кинжалъ для него испоргнулъ, что кровь пролипа за него; что сей пресступницъ онъ обязанъ свободою, что для него ушрашила она земныя и небесныя надежды. Онъ подходитъ къ прекрасной невольницѣ. Она пошупляешь взоры. Какъ она измѣнилась въ глазахъ его, сдѣлалась смиренною, тихою и робкою! Румянецъ на щекахъ ея поминушно смѣнялся смертною блѣдностью; вмѣсто обыкновенной живоси, на лицѣ ея сохранилось шолько пяшно крови, брызнувшей съ кинжала. *Конрадъ* беретъ ее за руку; она препенещь.... Поздно! онъ сжимаетъ сію руку, шполь прелешную для любви и ужасную, когда управляетъ его ненависть. Она препенещь; его рука лишилась швердоси и голосъ измѣнился. Онъ зовешъ ее: „*Гюльнара!*“ Она не даешъ ошвѣша. „*Милая Гюльнара!*“ Она поднимаетъ глаза, кошорыхъ взглядъ былъ ему ошвѣшомъ, и кидается въ его объятія. Если бы *Конрадъ* ей ошказаль въ семь убѣжищѣ, сердце его было бы слишкомъ велико, или слишкомъ низко для смершнаго; можешъ бышь, шайемъй голосъ предчувшвія, ошзывавшійся въ душѣ *Конрада*, сохранилъ его по-

слѣдную добродѣшель; но сама *Медора* простила бы поцѣлуй, болѣе ничего не требовавшій онъ женщины, споль прелестной, первый и послѣдній поцѣлуй, похищенный, въ минушу шоржесхва слабоспи надъ поспояншвомъ, на успахъ, оживленныхъ дыханіемъ чиспѣйшей любви, на успахъ, съ кошорыхъ прерывчапые вздохи разливали сладкій аромашъ, освѣжаемый легкимъ движеніемъ крыльевъ Амура.

XVIII.

При наступленіи сумрака увидѣли они островъ Корсаровъ. Имъ казалось, что скалы его улыбалися; веселый шумъ слышанъ въ приспани; маяки пылають на висопахъ; лодки несущся въ заливъ; рѣзвые дельфины, разсѣкая пѣниспья волны, ускоряють ихъ бѣгъ. Морская пища дикимъ и прѣнзишельнымъ крикомъ ихъ привѣшешвуешъ; воображеніе ихъ представляешъ имъ шоварищей, возжигающихъ большіе огни на маякахъ.

На морѣ улыбка надежды украшаешъ всего болѣе счасіе возвраша.

XIX.

Посреди огней, блистающихъ на горѣ и островѣ, *Конрадъ* ищетъ взорами Медориной башни, но напрасно; всѣ замѣчають съ удивленіемъ, что она скрывается во мракъ; прежде, всегда видѣли въ ней привѣшный свѣшъ, еще издали: шеперь, можешъ бышь, онъ завѣшенъ, или горить шускло. *Конрадъ* кидается въ первую лодку и негодуешъ на медленность гребцовъ. Для чего не даны ему бысприя

соколиныя крылья, чпобы взлешть на вершину горы! Гребцы требуютъ минушнаго ошдыха. *Конрадъ* пылая нешерпѣнїемъ, бросаешя въ волны, доспигаешя берега и лешшъ по знакомой ему пропнкѣ.

Онъ уже у дверей башни; останаавливаетя, слушаешя: никакой звукъ не прерываетъ царствующаго въ ней молчанїа. Мракъ ее окружаешя: онъ нешерпѣливою рукою спучшшъ въ дверь; никшо не опшираешя, не слышно шороха шаговъ. Онъ спучшшъ снова, но уже слабо; дрожащая рука опказываетя служишя беспокойнму желанїю сердца. Опворяющъ дверь; онъ видшшъ знакомое лице, но не шо, кошорое съ шакимъ нешерпѣнїемъ желалъ онъ прижашя къ своему сердцу; ему не опвѣчаютъ; два раза хошѣлъ онъ спросшшъ, но слова умерли на ушахъ его; онъ беретъ свѣшшльнкъ, кошорой выпадаетя изъ рукъ его и гаснешя. Ожидаетя ли ему, пока опяшя его засвѣшатя? Эшо для него шо же, что ожидать разсвѣша. Другой свѣшшльнкъ, колеблющшся сїанїемъ слабо освѣщаетя темные переходы; онъ кидаетя въ кошашу и видшшъ передъ собою шо, чему сердце его не вѣршло, хошя и предчувствовало.

XX.

Конрадъ неподвиженъ и безгласенъ, взоры его прикованы къ шой, кошорую онъ любшлъ. Печаль не легко разспаешя съ своимъ предметомъ; она бошшя собственнаго признанїа, что все пошгло. *Медора* была спокойна и прекрасна, какъ будто

смерть явилась ей въ образѣ друга; въ оледенѣвшихъ рукахъ держала она цвѣшны и какъ бы прижимала ихъ, позабывшись сномъ. Можно было подумашь, что еще рано проливашь слезы. Бѣлыя, какъ снѣгъ, вѣжды, покрывали зѣницы, лишенныя огня ихъ одушевляющаго. Ахъ! какъ разишельно изображается смерть въ очахъ, когда душа оставила сей шронъ свѣта.

Син голубые круги пошускли и измѣнились; но ушпа *Медоры* сохранили еще свою свѣжестъ; казалось, шеперь только слешъла съ нихъ улыбка. Увы! печальный покровъ, повязка на прекрасныхъ водасахъ, нѣкогда презиравшихъ пышное украшеніе цвѣшовъ и бывшихъ игралищемъ зефировъ, блѣдность ланишь: все ясно говорить, что могила гошова приняла свою жершву. Ее болѣе нѣтъ; что же дѣлаешь *Конрадъ*?

XXI.

Конрадъ ни о чемъ уже не спрашивалъ. Первый взглядъ, брошенный имъ на эшо бездушное лице, сказала все. Она умерла; что нужды, какимъ образомъ? Эшого довольно. Любовь первыхъ лѣшь, надежда въ будущемъ, источникъ сладосшныхъ желаній и нѣжнѣйшихъ заботъ, одно живое существо, которое не могъ онъ ненавидѣшь; все у него опниашо! Онъ достоинъ своей участи, но эшо не уменьшаешь его горесши. Человѣкъ добродѣшельный обращаетъ въ бѣдешвіяхъ къ Небу, куда на вѣки зашворенъ входъ прешупленію. Гордые и

зые, поспавляющіе счастье въ минушнихъ благахъ и непереносящіе своихъ надеждъ за предѣлы гроба, все перяютъ, разрывая цѣпи съ землею! Кшо въ силахъ перенесшь равнодушно потерю предмета, составлявшаго его единственную опраду? Сколько спрогихъ и суровыхъ лицъ служашъ личиною сердца, изпывшимъ онь несчастія! Какъ часто скрывающа горестныя мысли, но не могушь скрышься въ улыбкѣ шѣхъ, коимъ лучше приспаль бы видъ печальный.

XXII.

Чѣмъ чловѣкъ чувствительнѣе, тѣмъ меньше умѣешъ онь скрывать волненіе расперзаннаго сердца, которое въ каждой мысли ищешъ успокоенія и ни въ одной его не находишь. Нѣшъ словъ для выраженія тайнаго состоянія души. Истинная горестъ безмолвна; печаль *Конрада* была безпредѣльна. Неподвижный, оцѣпенѣлый, приведенъ въ шакую слабостъ, чшо онь заплакаль, какъ женщина: знакъ невозвращной потери! Никшо не видѣль слезъ, текущихъ по щекамъ его; бышь можешъ, онь удержаль бы ихъ при свидѣтеляхъ. Но онь поспѣшно ошеръ глаза и удалился съ расперзаннымъ, неуспѣшнымъ сердцемъ Возсіяло солнце; день казался мрачнымъ для *Конрада*. Наступила ночь; въ душѣ его простерлась вѣчная шма; самою ужасною шмою покрывають глаза облака душевныя. Никакая слѣпоша не равняешся съ слѣпошою несчастливца, который не можешъ, не смѣешъ видѣшь

и, ошпалкивая руку проводника, ищешь самаго глубокаго мрака.

XXIII.

Сердце *Конрада* было создано для нѣжности; оно насильно увлечено къ пресступленіямъ. Слишкомъ рано испыталъ онъ измѣны, долго былъ жертвою обмана. Чувства его, ошъ природы добрыя, имѣли участъ воды, окаменѣвшей подобно вершену, въ кошорый падаетъ она капля за каплею: можешь бышь, она была свѣшла, пробираясь сквозь песокъ, но оледенѣла и окаменѣла. Ударъ грома мгновенно раздробилъ скалу, кошорую бури давно уже подрывали; сердце *Конрада* поражено подобнымъ ударомъ.

Нѣжный цвѣшокъ возрасшалъ у подошвы сей скалы, коей шѣнь служила ему защишою: одинъ ударъ грома разрушилъ скалу и лилію. Не ошпалось ошъ сего прекраснаго распшнія ни листочка, кошорый бы сказаль объ его ушрашѣ: всѣ они поблекли и преврашились въ пепель; ошпашки хладнаго защишника его разсѣяны по бесплодному берегу.

XXIV.

Зарумянилась заря. Никшо изъ шоварищей *Конрада* не смѣешь нарушишь его уединеніе. *Ансельмъ* рѣшаеця, наконецъ, проникнуть въ башню: его шамъ не было, его нѣшь и на берегу. — Бьюшь шревогу; бѣгаютъ по всему ошпову до шемной ночи. На другой день новые поиски: имя его ушомляешь эхо. Тщешно ищешь его на горахъ, въ пещерахъ, разсѣлинахъ, долинахъ. У берега на-

ходящъ ошорванную цѣпь челнока. Надежда оживляется; за нимъ слѣдуютъ по морю: напрасно! Дни смѣняются днями; *Конрада* нѣтъ; онъ никогда не возвратится. Нѣтъ ни вѣсти, ни слѣда, кошорый бы сказалъ объ его участи: живъ ли онъ, или смерть положила конецъ его опчаянію?

Товарищи долго его оплакивали: болѣе никто не могъ о немъ плакать. Подругъ его воздвигнувшъ прекрасный памятникъ. Чшо до него, никакой надгробный камень не говоритъ ни объ его смерти, ни объ его жизни.

Для будущихъ временъ осталось одно имя Корсара, кошорый между тысячью пресупленій сохранилъ одну добродѣтель.

Я.

Ч А С Ъ С М Е Р Т И .

П о в ѣ с т ь .

(Соч. А. Гюго.)

Среди пустынныхъ горъ, ошдѣляющихъ Королевство Валенцію ошъ равнинъ новой Каспиди, возвышается Циенфугескій монастырь. Изгнанные насшупательною войною далеко ошъ опустошенныхъ монастырей своихъ, — монахи оставили мирныя свои келліи. Полевая шрава росла въ церкви, жершвенникъ лишень былъ священныхъ ушварей; и посреди всеобщаго разрушенія сей Свяшой обштели, ушдѣляло одно только большое Распяніе изъ чернаго мрамора.

Гусарскій полкъ, въ которомъ служилъ *Албертъ*, остановился въ окрестностяхъ монастыря; молодой Офицеръ раскинулъ свою палашку предъ папершью разрушенной церкви.

То было ночью: звѣзды блисшали на голубомъ сводѣ, какъ блесшки на черномъ плащѣ вдовы Сивильской (вдовушки); луна шихо кашилась по небу, высшавляя блѣдный свой рогъ, подобный напшанушому луку сшрѣльца. *Албертъ* въ своей палашкѣ лежалъ у огня почти уже пошухшаго, завернувшись въ широкій бѣлый плащъ. Ушомленная голова его покоилась на сѣдлѣ быстраго коня его; уже не слышалъ ошъ ничего кромѣ произшительныхъ криковъ кузнечика, ржанія лошадей, привязанныхъ

къ кольямъ, да изрѣдка оклики часовыхъ раздавались въ воздухъ.

Время лешло; онъ думалъ о своей милой, юной невѣстѣ, обѣщанной ему по возвращеніи изъ похода въ военныхъ, объ *Элеоноръ* пріятно улыбающейся, съ голубыми глазами и съ длинными русыми волосами, *Элеоноръ*, кошорую ни красы Римлянокъ, ни очаровашельныя прелести обиташельницъ Гренады, не могли изгнать изъ его сердца. Мечшая о любви и Франціи, *Албертъ* началъ засыпашь; но морской вѣтеръ, быспро гоня мрачныя дождевыя облака, нанесъ грозу на спашь Французскій. *Албертъ* вспалъ, и желая скрышья опъ ливня пошокомъ низвергавшагося, увидѣлъ полуошворенную церковную дверь.... онъ входилъ.

Церковь была темна и сыра; быспрыя молніи, проникашья въ оную сквозь раскрашенныя спекла оконъ, освѣщали шолько каменныя гробницы древнихъ Рыцарей и ограбленный жершвенникъ Спасителя. Молодой воинъ увидя себя въ сешъ печальномъ мѣшѣ, почувешвовалъ спрахъ, прошивъ кошораго шщешно вооружаешся разсудокъ. Онъ спалъ на средину церкви, шшина прерывалась шолько шелесшомъ шаговъ его и бряцаніемъ шпиръ на сапогахъ. Часы пробили полночь; *Албертъ* слушалъ съ шрепешомъ; двенадцашъ ударовъ медленно спукнули по звонкому колокольчику. — Тогда Царскія двери ошворились, скрышя на веряхъ своихъ; Священникъ, одѣшый въ черныя ризы, украшенныя се-

ребрянымъ кресломъ, выступая, неся божественный Сосудъ и освященный Хлѣбъ; ноги его едва касались каменныхъ плитъ звонкаго пола, не пробуждая въ немъ опшгоска.

Посшавивъ на Прешоль Сосудъ, онъ оборотился къ тому мѣсту, гдѣ находился Офицеръ и, казалось, просилъ его подойти. Побужденный неизвѣстнымъ ему чувствомъ, онъ приблизился, и преклонивъ колѣна на ступеняхъ жершвенника, слушалъ величественный гласъ служителя Божія, совершавшаго панихиду по усопшемъ. Подвигнушый къ благочешію восшминаніемъ о дѣшсшвѣ своемъ, онъ пѣлъ и замѣнялъ Кліръ священнослужителей. По окончаніи панихиды, Священникъ, среди пущой церкви, оставленной православными, возгласилъ — *миръ вамъ!* пошомъ оборотясь къ Офицеру сказалъ:

„Молодой чужештралець, услуга оказанная мнѣ побою, извела душу мою изъ чштилища; около двухъ вѣковъ спрадалъ я за грѣхъ, содѣланный прошивъ спрогихъ правилъ сего Монашшря; около двухъ вѣковъ ожидалъ я помощи опъ нѣкоего смершнаго для совершенія службы. Уже много разъ било полночь, и около двухъ сполшшій никшо не являлся; шы одинъ пришелъ сюда; преклонивъ колѣна предъ жершвенникомъ Милосердаго Бога, шы — мой Ангель Хранишель, помогъ мнѣ разорвать узы еще обременявшія мою душу и заграждавшія ей пущь къ небешной обштели. Да вознаградишя швое благоче-

стіе! Я могу разрѣшитьъ одинъ вопросъ твой, одинъ; спроси, что ты знаешь желаешь.“

Албертъ зашрепесталъ, но пришедъ въ себя (человѣкъ всегда желаетъ знать то — о чемъ лучше бы ему осваваться въ невѣдѣніи), сказалъ: „служишель олшаря, повѣдай, какъ долго живишь мнѣ? — Молодой человѣкъ, отвѣчалъ Священникъ пріятно и вмѣстѣ печально, чего ты отъ меня потребуешь? Но ты желаешь: познай. Черезъ три года, въ шопъ день, въ шопъ часъ, когда солнце бросишь первый лучъ на землю, душа твоя опидешъ отъ тѣла.“ При сихъ словахъ старецъ скрылся, не оставивъ по себѣ никакого слѣда, показывавшаго, что онъ сошелъ въ могилу или вознесся на небо.

Албертъ вышелъ изъ церкви, въ мрачной задумчивости, ибо ошныиѣ надежды юности его ограничивались самымъ тѣснымъ кругомъ.. Онъ послѣдовалъ за своими соратниками, бился, можетъ быть, неуспрашимѣ прежняго, но безъ шой безразсудной дерзости, кошорая смерть презираешь. Онъ уже не дорожилъ жизнію, ибо предѣлъ ея однажды навсегда былъ назначенъ. Съ миромъ возвратился въ отечество; опять увидѣлся съ *Элеонорою*, кошорую любилъ шакъ спрашно. Опець юной дѣвицы напомнилъ ему, что она его возлюбленная; сама *Элеонора*, краснѣя, говорила, что она его невѣста; родная мать *Алберта*, дряхлая мать его, желавшая полюбоваться счастиемъ единственнаго сына своего, напомнила ему о первой любви и о первыхъ ме-

чтахъ его юности. Онъ равнодушенъ былъ къ дружбѣ отца, къ любви невѣсты, къ нѣжности матери, думая безпрестанно о послѣднемъ часѣ, къ которому съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе приближался. Наконецъ прошли два года послѣ роковой ночи. Отчаяннаго повлекли его въ церковь, гдѣ предъ жертвенникомъ поклялся онъ *Элеоноръ* своей въ ненарушимой вѣрности; запинаясь, произнесъ клятву сію, зная, что она будетъ разшоргнута смертію въ концѣ сего же самаго года.

Всѣ думали, что онъ былъ счастливъ. Но сердце его было преисполнено горести! Однако жъ *Албертъ* храбростію своею достигъ до первыхъ воинскихъ степеней; богатство матери содѣлалось его собственнымъ; онъ обладалъ женою, которую страшно любилъ; все, казалось, ему благопріятствовало.

Что составляешь радость супруговъ, умножало его отчаяніе: *Элеонора* готовилась быть матерью — и, наконецъ, онъ облобызалъ новорожденного сына своего, который безъ него долженъ былъ вырасти; онъ не могъ перенести сего новаго счастья. Долго шая горестъ души своей, не могъ уже скрывать ее; — мать примѣшила шайную печаль; скоро узнала о томъ и молодая супруга; но вопреки прогашельнымъ ихъ просьбамъ, онъ сохранилъ въ сердцѣ своемъ ужасную шайну, отправлявшую счастье его жизни.

Мѣсяцъ еще оставалось ему любить свое семейство. Будучи предусмотрителенъ, какъ нѣжный

ошець, привель въ порядокъ дѣла свои, и, не помышляя о мірскихъ нуждахъ, приготоуился къ предопредѣленному удару судьбы, и съ непоколебимою пвердосшію ожидалъ назначеннаго часа.

Мѣсяць прошекъ, въ послѣдній разъ солнце закалилось для *Альберта*. Тогда собравъ всѣ свои силы, позвалъ къ себѣ мать и супругу, — открылъ имъ роковую тайну; пономъ приготоуился къ смерти.

Большая насыпь къ востоку возвышалась предъ его домомъ: шуда-шо велѣлъ онъ перенести посшель, на которой сѣлъ между старою своею матерью, лишавшеюся молодаго своего сына, и между слабою супругою, остауавшеюся безъ подпоры.

Какъ ихъ прощанія были горесшны! Какъ послѣдняя ночь сія, казалась попеременно, шо долгою, шо корошкой, смошря пошому, надежда, или спрахъ волновали ихъ сердца.

Надъ головою *Альберта* вошла и оуашь сокрылась блѣдная двурогая луна, кошорой при года назадъ удивлялся онъ, во время бурной ночи, проведенной имъ въ Монашпырѣ на горахъ Валенціи.

Между шѣмъ начинало сѣшашь; пѣніе пшницъ, громкій крйкъ пѣшуха возвѣщали несчастному *Альберту* насшупленіе дня, и конецъ его приближался.

Послѣдній часъ жизни его пробиль . . . лучъ блеснувшій съ востока озариль небо и, казалось, оставиль по себѣ сѣшозарный пущъ для спходившей души. Тогда глаза его закрылись съ судорезнымъ

движеніемъ; легкой преепетъ медленно пробѣжалъ по охладѣвшимъ членамъ; раздались громкія трубы, попомъ послышался глухой шумъ и громкое воззваніе: *Албертъ! Албертъ!*

Албертъ очнулся; подъ открытымъ небомъ, освѣщеннымъ первыми лучами восходящаго солнца, лежалъ онъ подлѣ вечерняго попухшаго огня. Трубы полка его привѣщивали зарю громкою пѣснью и другъ его, *Алфредъ* спрашивалъ: какъ провелъ ты ночь, *Албертъ*?

Молодой Офицеръ съ трудомъ приподнялся, еще утомленный сновидѣніями ночи; онъ съ признашельностію пожалъ холодною рукою руку своего друга; но сердце его еще нѣсколько времени сильно билось отъ радости и печали; ибо, ежели земныя ожиданія возобновились: то послѣ пробужденія своего лишился онъ супруги и сына.

Н. Фелицынъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Русалка. (*)

Надъ озеромъ, въ глухихъ дубровахъ,
Спасался нѣкогда монахъ,
Всегда въ занятіяхъ суровыхъ,
Въ постъ, моливъ п трудахъ.
Уже лопашкою смрпнной
Себѣ моглиу старецъ рылъ,
И лишь о смерщи возжелънной
Святыхъ Угодниковъ молилъ.

Однажды льшомъ у порогу
Поникшею хижины своею
Анахоретъ молился Богу.
Дубравы дѣлались чернѣй;
Туманъ надъ озеромъ дымился,
И красный мѣсяць въ облакахъ
Тихонько по небу капился.
На воды спалъ глядѣшь монахъ.

Глядишь, невольно страха полный;
Не можешь самъ себя понять...
И видишь: закипѣли волны,
И присмирѣли вдругъ опять...
И вдругъ легка, какъ тѣнь ночная,
Бѣла, какъ ранній снѣгъ холмовъ,
Выходишь женщина нагая,
И молча съѣла у береговъ.
Глядишь на спарого монаха
И чешешь влажные власы.

(*) Изъ прекраснаго собранія мѣлкихъ Стихотвореній, на сихъ дняхъ только ошпечатаннаго. Сія книга продается у Комисіонера Р. Р. И. Слѣпина по 10 р. экземпляръ, съ пересылкою 11 рублей. Сп. Рускій Инвалпдъ No. 3-й 1826-го года.

Святой монахъ дрожитъ со страха
И смотришь на ея красы.
Она манишь его рукою,
Киваетъ быстро головою . . .
И вдругъ падучею звездою
Подъ сонной скрылася волной.

Всю ночь не спалъ старикъ угрюмой
И не молился цѣлый день:
Передъ собой съ невольной думой
Все видѣлъ чудной дѣвы тѣнь.
Дубравы вновь одѣлись тимою;
Пошла по облакамъ луна,
И снова дѣва надъ водою
Сидитъ, прелестна и блѣдна.

Глядитъ, киваетъ головою,
Цѣлуетъ издали, шущя,
Играетъ, плещется волною,
Хохочетъ, плачетъ, какъ дитя,
Зоветъ монаха, нѣжно спонетъ . . .
„Монахъ, монахъ! Ко мнѣ, ко мнѣ! . . .“

И вдругъ въ водахъ прозрачныхъ тонетъ:
И все въ глубокой тишинѣ.

На прешій день отшельникъ страстной
Близъ очарованныхъ береговъ
Сидѣлъ и дѣвы ждалъ прекрасной,
А тѣнь ложилась средь дубровъ . . .
Заря прогнала тиму noctуоу:
Монаха не нашли нигдѣ,
И только бороду съдую
Русалки дергали въ водѣ.

А. Пушкинъ.

Ея Сіятельству Княгинь Зенендъ
Александровнъ Волконской.

(Il tuo cantar che pol'anima si sente.)

Мнѣ говоряшь : „она поенъ,
И радость шихо въ душу льется ;
Раздумье томное найдешь,
Въ мечшань сладкомъ сердце бьетсл.

*

И по, что мило на земли,
Когда поешъ она — милье ;
И пламенный огонь любви,
И все прекрасное — святъе.“

*

А я — я слезь не проливалъ,
Волшебнымъ голосомъ плененный,
Я только помню, что видалъ
Пьвицы образъ незабвенный.

*

О! помню я, какимъ огнемъ
Сіялъ очи голубыя,
Какъ на чель ея младомъ
Вилися кудри золотыя.

*

И помню звукъ ея рѣчей,
Какъ помняшь чувство дорогое ;
Онъ слышился душѣ моей,
Въ немъ было что-то неземное.

*

Она, она передо мной,
Когда таинственная лира
Звучишь о Пери молодой
Долины свѣтлой Кашемира,

*

Звѣзда любви надъ ней горитъ,
И спитъ обхваченъ пеленою;
Она Эфирная лешитъ,
Чуть озаренная луною.

Изъ лилій съ розами вѣнокъ
Небрежно волосы вѣнчаетъ,
И локоны ея взвѣваетъ
Душистый ночи вѣтерокъ.

И. Козловъ.

Г Е Н І Й.

Когда гремя и пламеня
Пророкъ на небо улеталъ,
Огонь отрядный проникалъ,
Тревожилъ душу Елисея;
Святыми чувствами полна,
Мужала, крѣпла, возвышалась
И вдохновеньемъ озарялась,
И Бога слышала она. —

Такъ Геній радостно препенетъ,
Свое величье познаетъ,
Когда предъ нимъ гремитъ и блещетъ
Инаго Генія полетъ;
Его воскреснувшая сила
Мгновенно зрѣетъ для чудесъ,
И міру — новыя свѣтила
Дѣла избранныя Небесъ.

И. Языковъ.

С Т А Р Ц У - Г Е Р О Ю .

(Посвящается В. Н. Г ву.)

„Что грустенъ, могучій, и слезы впервые
Спруями лююся по блѣднымъ щекамъ?
Иль вспомнилъ младнчества годы зланыя?
Иль думой вознесся къ почившимъ сынамъ?
Иль плачешь о внука сраженномъ войною?
Иль ты опозоренъ ничтожнымъ врагомъ?
Иль брань разразилась надъ опчей странюю,
И мечеть на насъ сокрушительный громъ?“
Другъ юный! мнѣ память о дѣтствѣ отрадна,
Я слезъ не пролью о почившихъ сынахъ;
Ихъ сонъ безмятеженъ, обипель прохладна,
Ихъ души ликуюшъ въ небесныхъ краяхъ.
Не плачу о внука сраженномъ войною;
Безсмертныя вѣнецъ онъ кончиной спяжалъ,
Я слабыхъ обиды всегда презиралъ,
И брань не лемаепъ надъ опчей странюю.
Я жъ плачу, и стонущъ Россіянъ сердца:
Не стало Царя, АЛЕКСАНДРА — Опца!

Пл. Ободовскій.

28-го Ноября.

1825 года.

КЪ РУССКОМУ НАРОДУ.

Будь твердъ въ несчастіи, о доблестный народъ! —
Опець твой похищенъ Всевышнею судьбою;
Ужь Онъ на небесахъ, но Братъ Его съ тобою.
Россія въ шрауръ, но нѣшу въ ней спрошь.
Самъ Богъ, вручая скиптръ десницъ НИКОЛАЯ,
Въ Монархъ намъ даришь нѣжнѣйшаго Ошца:
Къ Нему любовію и вѣрностью пылая,
Вѣкъ будущъ преданы всѣ Русскія сердца.

В. Ланевской.

САШЪ - КАЗНАЧЕВУ.

(Во время болѣзни.)

Ты ль навѣдшишь пришелъ меня?
Въ углу моемъ тебя ль я встрѣтилъ?
Ты ль юный другъ, любовь моя!
Мой образъ въ памяти храня,
Мое отсутствіе замѣтилъ?

*

Сколь сладокъ дѣтскій лепешъ твой!
Какъ будто Ангела явленьемъ
Утѣшенъ юноша больной,
Младенца съ чистою душой
Добросердечнымъ посѣщеньемъ!

*

Привѣтомъ нѣжнымъ словъ простыхъ
Въ меня ты пролилъ миръ и счастье,
Ты мнѣ принесъ въ черпахъ твоихъ
Не хладный ликъ друзей пшихъ,
Не свѣта лживое участье,

*

Нить! посреди утѣхъ и сна
Земное все тебѣ безвѣстно:
Душа твоя, какъ день, ясна
И на землѣ еще полна
Своей невинности небесной.

*

Ты не умѣешь для очей
Поддѣлать радость, огорченье,
И свѣдавъ о судьбѣ моей,
Ты съ милой жалобой своей
Свое принеси мнѣ утѣшенье.

*

Но чѣмъ же я, какой мольбой,
Тебѣ воздамъ, мой гость прекрасный?...
Ко всемъ благоволи душой,
Рости, цвѣти, играй и пой
Въ свой возрастъ непорочно-ясный.

*

Будь радостью семьи своей!
И что бы насъ ни разлучало
Черезъ много бурныхъ, свѣтлыхъ дней,
Въ сей дѣтской нежности твоей
Намъ вѣчной дружбы будь начало!

23-го Октября,

1824.

Т. Жуковичъ

Р О М А Н С Ъ .

(Un Troubadour trompé par son amie)

Обманушый своей подругой милой,
Такъ Трубадуръ, вздыхая напѣвалъ:
„Намъ льстивыя привѣтъ надежды легкокрылой,
Но кто ея измѣнь не испыталъ?“

*

Едва цвѣткъ распустился весною,
Уже плода мы сладость познаемъ;
И сердце такъ надежды красотою
Любуется, какъ раннимъ шѣмъ цвѣткомъ.

*

А онъ, вдали предвозвѣщая грозы,
Не тщетно ли насъ шѣшипъ иногда?
Плѣнительны святой надежды розы!
Но часто цвѣтъ оградитъ плода!“

И. Бороздна.

Село Медвѣдово.

1823. Окт. 25 дня.

А Л И Н Ъ .

По слуху пропажи портрета ея.

Богиня Пафоса, гордясь красой своею,
Въ собраніи богинь не разъ хвалилась ею.
Богини-женщины, ну, можно ль имъ
Такое оскорбленіе
Оставитъ безъ отмщенья?
Нѣтъ!.. мстители свои
Безмерныя избрали
Нельстивый швой портретъ:
За ния Меркурія послали.

Онъ невидимкою влеща въ швой кабинетъ,
Унесъ швое изображенье.

Узря его, соборъ боговъ, ошъ восхощенья
Развня ротъ стояль.

Венеру Зевсъ призвавъ, съ упрекомъ ей сказадь:

Напрасно, дочь 'моя, гордилась ты собою,

Мечтая всѣхъ затмишь своею красотою,

Когда и смертная тебѣ ей превзошла!

Но чтобы ты и впредь забышься не могла,

Поршпреть сей пусть швои чертоги украшаетъ,

И о смиреніи тебѣ напоминаешъ.

Мхль Яковль.

Э П И Г Р А М А.

Нашему младенцу.

Недолго на земль нашъ Ангель погостилъ!

И все, что намъ собою подарилъ:

Надежду, счастье, съ ушъхой неземною

Нашъ ямлый гощъ унесъ съ собою!

И. Ложетниковъ.

Казань.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ,

ИЗДАВАЕМЫЯ
А. Воейковимъ.
Февраль, 1826.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Проза.

Стр.

Голось Европы. По случаю кончины Блаженнаго вѣчной памяти достойнаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-го	49.
Письмо изъ Болоніи	74.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Элегическая пьсь на кончину ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛО- ВИЧА, Самодержца Всероссій- скаго	91.
Элегія	93.
Элегія	94.
Вдохъ Трубадура	—
Ө. Н. Глинкѣ	95.
Спаршанки	97.
Отрывокъ	98.
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ, Самодержцу Все- россійскому	99.
На 15-е Декабря 1825 года	101.
Морна	102.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатаемо въ Военной Типографіи.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

ФЕВРАЛЬ, 1826.

ПРОЗА.

ГОЛОСЪ ЕВРОПЫ.

По слугаю кончины блаженныя и вѣчной памяти
достойнаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА I-го.

„Кончина ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-го, сказано въ *Монитёръ*, есть одно изъ шѣхъ событій, которыя оставляютъ глубокое впечатлѣнiе въ сердцахъ народовъ. Онъ обладалъ обширнѣйшею въ свѣтѣ Имперiею въ одну изъ величайшихъ эпохъ Исторiи; Его правленiе и личный характеръ отличались особенною и, можетъ быть, единственною чертою. Онъ столько же былъ великъ своею умѣренностью, сколько и безпредѣльнымъ могуществомъ.

„Сiя-шо совершенная умѣренность разишельно оказалась въ отношенiи къ Францiи, во время двухъ скоро послѣдовавшихъ одинъ за другимъ походовъ, когда упоенiе побѣды и счастья могло бы извинишь памятозлобiе въ душѣ не столь возвыщенной. Но сердце АЛЕКСАНДРА ошъ природы исполнено было

великодушія и челоуѣколюбія, которыя посшавляли Его превыше счастья и несчастья.“

Но горестъ объ Его потерѣ едва ли можешь внушить болѣе краснорѣчивыя и истинныя чувствованія, какія излишы были въ 1814 году въ одномъ изъ ученыхъ собраній нашихъ, которое почпилъ Онъ Своимъ присушествіемъ. Рѣдко случается, чтобы похвалы, произнесенныя ГОСУДАРЮ, въ продолженіи времени не измѣнились. Но здѣсь мы увидимъ, что Орапоръ былъ только Историкомъ и предупредилъ голосъ попомства. Выпишемъ сіе мѣсто безъ всякаго прибавленія:

„Великодушіе АЛЕКСАНДРА, сказалъ Орапоръ, (*) оживило предъ нами одного изъ великихъ мужей древности, спрасстныхъ къ славѣ. Его могущество и юность ручающся за прочность мира Европы. Его просвѣщенный героизмъ, кажешся, достоинъ продолжитъ царствованіе, достоинъ возобновитъ и еще болѣе украситъ образецъ Монарха-Философа, оставленный Маркомъ-Авреліемъ, и явитъ на Престолѣ мудрость, облеченную могуществомъ, равнымъ только благшворному намѣренію, сдѣлашь счастье Мира.“

„Европа прешерпѣла великую потерю, говоритъ *Journal de Paris*; да будетъ благословенна память

(*) Рѣчь Г. Виллемена, произнесенная во Французской Академіи, по случаю полученія имъ въ 1814 году награды за похвальное слово Моитаню. ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I-й присуствивалъ въ семъ собраніи.

сего могущественнаго Монарха, шѣмъ болѣе достойнаго скорби всѣхъ народовъ, также какъ и своего, что Онъ при жизни Своей умѣлъ упрочить Свою миролюбивую сисстему на грядущія времена.“

„Права АЛЕКСАНДРА I-го на благодарность Европы священны; имя Его будетъ сіяшь между именами благодѣтелей чловѣчества; въ мнѣніи Россіянь Онъ достигъ такой степени величія, кошорая не позволешъ сомнѣваться, чтобы полишика Его не была сохраняема столь же свяшо, какъ и Его память.“

„Священна для насъ память АЛЕКСАНДРА, говоришь *Drapeau blanc*; Онъ былъ другъ и благодѣтель нашего опечесства; правосудный и просвѣщенный ГОСУДАРЬ, Кошорый зналъ пошребности своего народа, и доставлялъ ему все нужное для его спокойствія и благосостоянія, крошкѣй и великодушный побѣдитель; душа Царешвеннаго Совѣша, пользовавшійся безпредѣльнымъ могуществомъ своимъ единственно для блага чловѣчества, кошорое десятишь уже покоишся послѣ продолжительныхъ страданій. Исторія поставишь имя Его на ряду съ именемъ Петра Великаго въ политическомъ опношеніи, а какъ чловѣка, еще выше; Онъ соорудилъ Себѣ въ сердцахъ Французовъ прочный памятникъ удивленія и признашельности.“

„Кончина ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА, говоришь *Gazette de France*, сама по себѣ уже, безъ всякаго опношенія къ будущей участи Европы,

есть самое поразительное и горестное событие. Мир лишился Того, Которого всеобщий голос народов нарекал человеком добродетельным и могущественным.“

„Он первый обуздал честолюбие всеобщаго утѣсниителя; возстановил устройство Европы на древнихъ основаніяхъ, и тогда, когда все дышало войною, доставилъ намъ безмятежный миръ.“

„Обладая Имперією, соединяющею Европу съ Азією, АЛЕКСАНДРЪ I-й чувствовалъ, что Онъ назначенъ быть примирителемъ.“

„Ему стоило бы нанести только послѣдній ударъ дряхлой Опшоманской Имперіи, неожиданно попрясенной домашнимъ непріятелемъ; Онъ могъ бы обратиться въ пользу своей Державы обстоятельствомъ, коихъ не Онъ былъ причиною. Но самыя благовидныя предлоги не въ силахъ услышать совѣсть мудраго.“

„Сколько слезъ пролило о смерти столь внезапной? Какія благословенія ожидаютъ въ опдаленномъ попомствѣ нашемъ освободителя и возстановителя челоѳчества?“

„Уже ли вмѣстѣ съ Нимъ исчезнетъ Его благопворная полишика? сойдушь ли съ Нимъ во гробъ всѣ надежды добрыхъ? возможно ли, чтобы Преемникъ Его Трона отрекся отъ лучшей части Своего наслѣдія?“

„Напрасно ласкають себя враги Царей. Живъ Богъ! Онъ не для шого вдохнулъ сей союзъ, неслышанный въ лѣтописяхъ образованныхъ народовъ, чшобы сіе прекрасное начинаніе разрушилось вмѣстѣ съ бышіемъ своего виновника: нѣтъ! сколько славы Небо не предоставило одному человѣку; мы вѣримъ, что и преемники Его будутъ продолжатъ начашое.

„Мы не сомнѣваемся, чшобы духъ мятежа не возрадовался о сей смерти. Она поразила одного изъ величайшихъ и ужаснѣйшихъ враговъ его. Но Онъ былъ смертный, а дѣло Божіе бессмертно.“

Въ сей же газетѣ сказано:

„Петръ I-й скончался въ 1725 году; АЛЕКСАНДРЪ I-й въ 1825: цѣлое спольшіе раздѣляешь ихъ. Сколько событій, сколько благошворныхъ и разрушительныхъ чудесъ вмѣщаетъ сей промежутокъ времени! какой исполинскій шагъ сдѣлала Россія въ очахъ благоговѣющей Европы! сколько приобрѣла она правешвеннаго величія, кошорое стоить болѣе могущества, или есть самое могущество! Сколько Петръ долженъ возгордиться, встрѣтивъ въ обители великихъ Царей всакодушнѣйшаго изъ своихъ преемниковъ!“

„АЛЕКСАНДРЪ жилъ сорокъ восемь лѣтъ; царствовалъ двадцать чешыре года. Половину жизни провелъ Онъ въ размышленіи о счастіи людей, другую въ устроеніи ихъ счастія.

„АЛЕКСАНДРЪ одаренъ былъ опъ небесъ всѣмъ, что даетъ право повелѣвать рокомъ, всѣмъ, что заставляешь любишь владыкъ земныхъ: вѣрнымъ умомъ, душою возвышенною, швердосшію намѣреній, сердцемъ проникнувшимъ любовію къ человѣчеству; и сверхъ сихъ даровъ, величественною и пріятною наружностію, всѣми преимуществами красоты, копорая невольно привлекаешь сердца.

„Онъ предопредѣленъ былъ для великой борьбы. Провидѣніе послало въ наказаніе народовъ чловѣка безъ сердца, но не безъ Генія, копорый умѣлъ любишь полько самого себя, ненавидѣшь полько препяшствія прошивопославляемыя его честолюбію, копорый возвысаясь опъ самой низкой до высочайшей степени, чувшвовалъ, что дабы ушояшь на ней, должно ему превращишь Міръ.

„Дерзосшь сего чловѣка болѣе всего поддержи- валась слѣпою увѣренносшю въ своемъ счасшіи. Богъ возшановиль на него прошивника, исполненнаго швердой вѣры въ свяшой Промысль. Можно было судишь, копорое изъ сихъ двухъ чувшвъ сильнѣе.“

Горешную, незапную поперю, копорая недавно поразила Россійскую Имперію, сказано въ *Quotidienne*, споль живо чувшвуешь Европа, что мы не можемъ умолчашъ о всеобщей скорби, внушаемой народамъ смершію ГОСУДАРЯ, полагавшаго свою славу въ умѣренности. Его прозорливосшь основала священный союзъ, имѣющій средшвомъ — честносшь

въ полишикъ, а цѣлью всеобщій миръ и счасіе Государствъ.

„АЛЕКСАНДРЪ I-й, ИМПЕРАТОРЪ Всероссійскій, родился 24-го Декабря 1777 года. Онъ съ самой юности показывалъ ошличную ревность къ наукамъ, и съ быспрыми успѣхами въ оныхъ, развивалось Его добродушіе, которое содѣлалось предметомъ обожанія для Его народовъ. Онъ вступилъ на Престолю 24-го Марша н. ст. 1801 года, а помазанъ на Царство 27-го Сентября въ древней Руской столицѣ, Москвѣ, содѣлавшейся, одиннадцать лѣтъ спустя, скалюю, о кошорую сокрушилось страшное могущество Наполеона.

„Первые годы Его Правленія ознаменованы великими исправленіями въ Россійскомъ Правительствѣ. Онъ покровительствовалъ науки и изящныя искусства, и осыпалъ своею щедростію многихъ знаменитыхъ людей въ Россіи и другихъ Государствахъ Европы.

„Одинъ изъ величайшихъ Поэтовъ, составляющихъ гордость Франціи, посвятилъ ему во время своего изгнанія стихи, въ коихъ нѣкошорымъ образомъ предсказано было будущее вліаніе АЛЕКСАНДРА на возшановленіе прона Св. Людовика; по возвращеніи своемъ въ ошечество, Делиль посвятилъ сему Монарху свой переводъ *Энеиды*, за кошорой переводчикъ получилъ весьма лестное одобреніе и награжденъ по-Царски.

„Событія достопамятной войны 1812 года еще живы въ памяти. Во время походовъ 1813 и 1814 годовъ АЛЕКСАНДРЪ достигъ до самаго Парижа. Его умѣренность, челоѵколюбіе, справедливость, увѣчали Его блистательнѣйшею славою, нежели какая можешъ бытъ удѣломъ полководца. Жители сей столицы никогда не забудушъ словъ, сказанныхъ ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ Мерамъ Парижа, когда они прибыли въ станъ союзныхъ Государей, словъ, шѣмъ болѣе достопримѣчательныхъ, что всѣ обѣщанія, въ нихъ выражавшіяся, тогда же исполнены:

„Вашъ Императоръ, сказалъ Онъ, будучи Моимъ союзникомъ, вшоргнулся въ самое сердце Моихъ владѣній и нанесъ имъ бѣдшвія, коихъ слѣды долго не изгладяся. Справедливая оборона Моихъ предѣловъ привела Меня сюда, и Я не хочу воздашь Франціи за зло, ею Миѣ причиненное. Я справедливъ; знаю, что Французы въ шомъ невиновны. Французы Мои друзья, и Я покажу имъ, что пришелъ воздашь добромъ за зло. Одинъ только Наполеонъ врагъ Мой.

Обѣщаю особенное Мое покровительштво городу Парижу; Я защищу и сохраню всѣ публичныя заведенія; Я оставлю здѣсь одни избранныя войска; сохраню вашу національную Гвардію; она сосшавляешъ цѣвшъ вашихъ согражданъ. Ошъ васъ зависишь ушвердишь ваше счастье на будущее время. Вамъ должно дашъ Правленіе, кошорое бы доставило вамъ спокойшвіе и шину Европъ. Вамъ только стоишь пожелашь; Я всегда гошовъ подкрѣпляшь ваши усилія.“

Достопамяшныя слова сіи произнесены были до прибышїя сего Монарха въ Парижъ: онъ напередъ уже привлекли къ Нему Парижскій народъ, кошорый изъявилъ Ему живѣйшіе знаки своей признапельности при вступленіи Его въ Сень-Маршенское предмѣстїе. Здѣсь ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ шрогашельнымъ голосомъ нѣсколько разъ сказалъ народу: „Я въ спѣнахъ вашихъ не шакъ, какъ непрїяшель; Я принесъ вамъ миръ, миръ и шорговлю! Дружба, шчасїе Французовъ, вошь Мое шоржештво.“

Въ одну изъ шѣхъ минушь, когда народъ съ горесшїю вспоминалъ о минувшихъ годахъ шяжкаго порабощенїя, АЛЕКСАНДРЪ съ необыкновеннымъ присушешвіемъ духа, ясно обнаруживающимъ чершу Рыцарскаго характера, сказалъ: „Я бы пришелъ къ вамъ преде; винише въ Моей медленности храбросшь Французовъ.“

Когда низверженіе Наполеона объявлено было Сенашомъ, ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ принимая привѣшешвія ошь сего сословія, снова изъявилъ благорасположеніе Свое къ Французской націи и желаніе бышь ея союзникомъ; „и въ подшверженіе сего союза, присовокупилъ Онъ шрогашельно, Я возвращаю Франціи безусловно всѣхъ Французскихъ плѣнниковъ, находящихся въ Моей власпи.“ Сей великодушный поступокъ въ шу же минушу исполненъ надъ нашими воинами, взяшыми въ плѣнъ въ послѣднихъ бшвахъ; они приведены на Магдалинскій булеваръ, гдѣ Генераль-Адьюшаншь ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА сказалъ имъ: „Вы уже не плѣнники, ИМПЕРАТОРЪ, мой ГОСУДАРЬ, возвращаешь вамъ свободу именемъ Короля вашего Лудовика XVIII.“

„Судьбѣ угодно было возбудить новую войну для истребленія бича, еще угрожавшаго Европѣ; но всякое новое предпріятіе союзныхъ Государей доставляло случай ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ показать новые опыты своей прозорливости и великодушія. На конгрессахъ Лейбахскомъ, Веронскомъ, равно какъ и въ Эксъ-ла-Шапель, Онъ всегда слѣдовалъ правиламъ согласія и порядка, копорыя одни только могутъ быть основою Государствъ.“

Въ другой спашь газеты *Quotidienne* говорится:

„ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ имѣлъ столь важное и счастливое вліаніе на событія, коихъ слѣдствіемъ было освобожденіе Европы, и на ушверженіе мира, копорымъ она съ того времени наслаждается, что потеря сего Монарха надолго оспанешся предметомъ всеобщей горести.“

„Изъ царствовавшихъ въ Его время Государей, ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ болѣе всѣхъ произвелъ Самъ Собою. Проникнувшій пламенною любовію къ добру, Онъ не довольствовался доставленіемъ Своей обширной Имперіи спокойствія, обеспеченнаго преданностью народовъ Ему подвластныхъ и мудростию Правительства; попеченія Его простирались на всю просвѣщенную Европу.“

„Его посредничество, всегда готовое для Его союзниковъ, никогда не имѣло въ виду распроспрат

неніе собственаго могущества и вліянія. Напроставивъ Онъ всю славу, или лучше, все счастье Свое полагалъ въ сохраненіи прочнаго и неизмѣняемаго порядка вещей, къ возстановленію коего Онъ споль много содѣйствовалъ.

„Какою благодарностью обязана Ему Европа и вообще просвѣщеніе! Въ той ужасной борьбѣ, когда Онъ одинъ возсталъ противъ повелителя Европы, противъ того, который умѣлъ приковать къ своимъ знаменамъ и употреблять орудіемъ даже шѣхъ, кои были самыми первыми его жертвами, въ сей борьбѣ, говорю, мы видѣли, какія принесъ Онъ пожертвованія. Древняя столица Рускихъ Царей предана пламени, и сія великая жертва изумила побѣдителя, увидѣвшаго, съ какимъ имѣешь Онъ дѣло непріателемъ. Съ самаго начала сей кровопролитной войны АЛЕКСАНДРЪ объявилъ всенародно, что Онъ рѣшился опустошить ошъ сильнаго непріятеля до самыхъ опдаленныхъ предѣловъ Сибири; но не заключаешь мира съ симъ непріателемъ, пока Онъ не выйдетъ изъ предѣловъ Его Имперіи. Дальновидные люди тогда уже усматривали конецъ сей войны. И шакъ съ помощію пространства и времени, Онъ уничтожилъ наконецъ самаго сильнаго въ новѣйшія времена завоевателя и доставилъ уничтоженной Европѣ средства возвращить свою независимость и честь. Всѣ невѣроятные успѣхи въ продолженіи 10 лѣтъ непрерывно болѣе и болѣе возникающаго благосостоянія Государства, съ возстановле-

ніемъ мира и свободы оныхъ, всѣ сія успѣхи, сущее дѣло Великодушнаго ГОСУДАРЯ, честнаго человѣка, истинно великаго, котораго Міръ шеперь лишился.

„Сіе-шо опличительное свойство *гестнаго чело-вѣка* составляло превосходную черту сего прекраснаго и благороднаго характера. Оный преимущественно обнаруживался въ желаніи сдѣлать людей счастливыми, содержаніемъ ихъ въ мирѣ и согласіи. Сіимъ-шо великимъ мыслямъ обязанъ основаніемъ своимъ *Священный Союзъ*, имѣвшій предметомъ упрочить Европѣ блага, ей ошъ Него дарованныя. Сей Августѣйшій Союзъ, основанный на духѣ мира, исполнилъ свое назначеніе, и можно сказать, что такое соединеніе Государей было необходимо для успѣшнаго прошиводѣйствія воспаленію умовъ и всеобщимъ беспокойствамъ — слѣдствію мяшежей, продолжавшихся цѣлыя 25 лѣтъ. Ежели Европа нѣсколько лѣтъ уже наслаждается спокойствіемъ и всеми выгодами шорговли и промышленности: то она обязана сіимъ *Священному Союзу*, а вмѣстѣ съ шѣмъ и Тому, кто первый подаль мысль къ учрежденію сего союза.“

„Не опасаясь заслужить упрекъ Ишорика, говорить *Journal des Débats*, можно смѣло примѣнить къ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ слѣдующее прекрасное изреченіе старшаго Плинія о Цицеронѣ:

Majestati Reipublicae par ingenium.

Геній, равный величію Рима.

Берлинъ, 20-го Декабря. Во всѣхъ нашихъ вѣдомостяхъ содержится слѣдующая свѣдѣнiя:

Миръ долженъ оплакивать тяжкую потерю. **АЛЕКСАНДРЪ I-й, ИМПЕРАТОРЪ** Всероссiйскiй скончался 1-го Декабря н. ст. въ Таганрогѣ, нынѣшнемъ мѣстопребыванiи Августѣйшей Супруги Его, **ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ**. Важность сей утраты происходитъ не отъ обыкновенныхъ обстоятельствъ, всегда сопровождающихъ кончину Великаго Монарха; здѣсь встрѣчаются особенныя отношенiя: высокiя личныя достоинства, имѣющiя связь съ величайшими событiями, представляющъ обширное поле для размышленiя. Въ самомъ дѣлѣ, соединенiе самыхъ рѣдкихъ качествъ ума и сердца, какое когда-либо было удѣломъ земнаго бытiя, посреди сильныхъ потрясенiй цѣлой части свѣта, являющъ рядъ великихъ дѣянiй. Мы представляемъ будущему Историку раскрыть благодѣтельныя послѣдствiя оныхъ въ самыхъ событiяхъ; и осмѣливаемся изобразить только нѣкопорыя черты характера Монарха, окончившаго славное свое поприще.

Съ самой юности своей, руководимый мудрою попечительностiю, Онъ присвоилъ Себѣ высокiя чувства, привлекательное благорасположенiе, вѣрный умъ. Но прекрасное образованiе сiе рано омрачено было непрiятными впечатлѣнiями: съ одной стороны Миръ представлялъ Ему картину борьбы и

разрушенія; а съ другой судьба гошовила Ему Самому шяжкое испышаніе.

Души благородныя укрѣпляются испышаніями. Они еще болѣе ошкрыли величіе души АЛЕКСАНДРА. Ни прошивоборшвующія и смушныя обшояшельсшва, коихъ никакая влашь ни ошврашишь, ни избѣгнушь не можешъ, ни что не въ силахъ было поколебашъ въ Немъ глубокое чувство истиннаго благочесніа. Оно укрѣплялось въ Немъ по мѣрѣ возрасшающихъ шрудностей въ полишкѣ и напушсшвовало Его къ шой высокой цѣли, до кошорой не многіе досшгали.

Плоды безпрерывныхъ шрудовъ сего человѣколюбиваго и дѣяшельнаго Монарха, совершенныхъ для внушренняго ушройсшва шоль обширнаго и разнообразнаго Государсшва, для внѣшней безопасности, разширенія предѣловъ и славы Его, ошавяшъ вѣчное восшоминаніе въ сердцахъ народовъ, соединенныхъ подъ Его скипешромъ; имъ предосшавляемъ досшойно оцѣнишь подвиги сего Монарха. Но не одна Россія, цѣлая Европа — особенно Германія, Пруссія — обяшаны Ему безпредѣльною признашельноспію; въ семъ ошношеніи Онъ принадлежалъ всѣмъ намъ; потеря Его и для насъ шоль же чувшвишельна. Неувлекаемый ни ложнымъ чешполубіемъ, ни суешнымъ шоекорыспіемъ, Онъ спяжалъ въ войнѣ гораздо вышшую славу, нежели какая бываешъ удѣломъ завоевашеля.

Послѣ столь многихъ щещныхъ усилій къ общему вооруженію противъ неукротимой спрашки къ завоеваніямъ, къ обузданію вѣроломнаго самовластія, подъ копорымъ сшенала Европа, наконецъ, положенъ предѣлъ общимъ бѣдспвіямъ. Симвъ Европа обязана великодушной рѣшимости и посшоянству АЛЕКСАНДРА во время исполинской войны, начавшейся въ 1812 году, войны, копорую никакія будущія событія не изгладяшъ изъ памяти — и въ копорой рѣшена участь народовъ. Чувствование собсшвеннаго достоинства, надежда на помощь Божію, руководили и укрѣпляли швердую рѣшимость сего Монарха, обуздашъ буйное самовластіе и посредствомъ мощнаго союза испребилъ самый корень зла.

При сей блистательной перемѣнѣ счастья, шакже какъ и въ годину испышанія, характеръ АЛЕКСАНДРА ни на минушу не измѣнялся. Онъ всегда умѣлъ соглашашъ расчеты мудрой политики съ движеніями великодушія; всѣ дѣйствія Его означены благородствомъ и крошкимъ челошкколюбіемъ. Сии чистыя и высокія чувстваванія болѣе и болѣе возвышались въ Его политику, по мѣрѣ распространенія Его могущества, и одушевляли Его къ добру и справедливости. Черезъ Него Міръ увидѣлъ въ первый разъ заключеніе союза, копорый въ политику своей слѣдовалъ единственно правиламъ благочестія, мира и общаго благосостоянія, союза, копорый при всемъ несовершенствѣ, неразлучномъ съ исполненіемъ челошческихъ пред-

пріятій, навсегда останеся доспойнымъ памяшникомъ силы и могущества, сопровождаемыхъ чиспѣйшими намѣреніями. Возможность шаковаго союза зависѣла шолько ошъ равнаго расположенія прочихъ союзниковъ, ошъ благочеспиваго, чловѣколюбиваго и миролюбиваго образа ихъ мыслей; но доспойно оцѣнишь сіе расположеніе и обратишь оное въ общій непремѣнный долгъ, эшо навсегда пребудешъ великою заслугою АЛЕКСАНДРА.

Спрого хранишь свяшость сего союза и всіми силами содѣйствовашъ къ ушверженію его — было ревностнымъ Его спараніемъ. Онъ умѣлъ принесть ему жершву, которая, хошя могла бышь шагосшна Его сердцу, но не совѣсни. Онъ не шолько былъ союзникомъ, но и другомъ прочихъ высокихъ Членовъ сего сословія. Въ семъ ошношеніи Пруссія можешъ похвалишься особеннымъ Его благорасположеніемъ: никогда еще не были соединены два народа споль шѣсными узами взаимнаго доброжелательства и услугъ.

По совершеніи споль славнаго поприща, коего вліяніе съ благодарностію будущъ чувствовашъ самыя ошдаленныя пошомки, мы смѣло можемъ назвашъ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА однимъ изъ благотворительнѣйшихъ и величайшихъ Монарховъ, какіе шолько намъ извѣсны по Испоріи. Онъ явилъ собою рѣдкій примѣръ крошкаго, чловѣколюбиваго, миролюбиваго Обладателя величайшей Имперіи, покрышой не испоргнушыми, но доспойно заслужен-

ными лаврами, коими Россія со времянь Петра Великаго безпрерывно украшалась, и кошорымъ великодушный АЛЕКСАНДРЪ предпочель прочиый миръ и благословенія народовъ. Европа по справедливости должна оплакивашь кончину своего Благодѣтеля, кошорому нынѣ, когда нынѣ Его болѣе въ числѣ живущихъ, шѣмъ вѣщше чувствуешь себя обязанною принесть должную дань хвалы.

ДВЕНАДЦАТОЕ ДЕКАБРЯ.

Санктпетербургъ. Съ той минушы, какъ горестное и внезапное извѣстiе облекло шляжкою нечалу здѣшнюю столицу, и поразило всѣ сердца опчаянiемъ, щещно хошѣли бы мы изобразить нѣмую скорбь ея гражданъ. Смерть, сразившая въ одной Августѣйшей Жерствѣ миллионы подданныхъ, казалось, наложила узы мертваго безмолвiя на все пространство обширной Имперiи. Но есть мучительныя минушы, въ кошорыя, тысячи воспоминанiй, заставляющъ живѣе чувствовашь ушрашу, и горесть снова разить пораженныхъ. Тогда-шо жестокое опчаянiе даешь полную волю нашимъ слезамъ; тогда-шо общiй вопль безутѣшной скорби слышится шамъ, гдѣ прежде царшвовала тишина оцѣпеннiя и ужаса, и печаль каждаго возрастаеть съ общимъ унынiемъ.

Кто изъ насъ не былъ свидѣтелемъ сего изліанія горести, въ нынѣшній день, нѣкогда торжественный день рожденія блаженной памяти ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-го, день, въ который Небо даровало намъ драгоценнѣйшее изъ благъ — возлюбленнѣйшаго Монарха, предметъ любви нашей въ продолженіи 25-лѣтняго царствованія Его, равно какъ нынѣ предметъ неизяснимой скорби?

Жители здѣшней столицы, въ Храмахъ, нынѣ въ первый разъ явились въ печальной одеждѣ, желая почтить память дня, который нѣкогда былъ торжественнымъ; въ первый разъ печальный обрядъ замѣнилъ голосъ обѣшовъ и благодарности, раздававшійся подъ сводами сихъ же самыхъ Храмовъ; и множество воспоминаній, еще столь свѣжихъ, рѣзкою противоположностью пробудили вопли всеобщей горести. Тогда-то почувствовали мы, что невозможно долѣ хранить молчаніе; мы почли за долгъ преодолѣть страхъ, внушаемый важностію предмета, о которомъ говоримъ предпринимаемъ, почли за долгъ удовлетворить внушенію собственнаго сердца, всеобщей горести, желаніямъ народа, положивъ сію дань на гробъ Ошца Отечества.

Не принимаемъ на себя обширнаго и превышающаго силы наши труда изобразить всѣ славныя событія царствованія АЛЕКСАНДРА I. Какой бы Геній ни опважился на сей великій подвигъ, рѣзецъ Истории конечно не разъ бы выпалъ изъ рукъ его. Пораженный столь великими событіями, великими

множествомъ чудесъ, пзъ конхъ, можно ска-
зать, самое величайшее есть личный характеръ
Мирошворца Европы, открывая повсюду перся
Божій въ дѣлѣ спасенія и возстановленія, совершен-
наго въ послѣднія времена, онъ скоро узрѣлъ бы,
что для представленія истины во всемъ ея блескѣ,
ему надлежало бы имѣть краснорѣчіе, заимствован-
ное отъ Вѣры, голосъ Пророческій, или перо
Боссюэшоу.

Не станемъ говорить о Государственныхъ дѣ-
ніяхъ, которыя въ продолженіе четверти столѣтія
ежедневно напоминали намъ, что царствование
АЛЕКСАНДРА для подвластныхъ Ему народовъ было
неспошчимымъ источникомъ всѣхъ благодѣлій.
Сии дѣла златыми буквами вписаны будутъ въ наши
лѣтописи и признательность уже запечатлѣла ихъ въ
нашихъ сердцахъ. Довольно сказать, что система,
принятая и неизмѣнно сохранявшаяся почившимъ
въ Бозѣ ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ, была
непосредственнымъ приспособленіемъ Его высокихъ
добродѣтелей къ потребностямъ и благосостоянію
Государства.

Съ другой стороны, безопасность нашихъ пре-
дѣловъ, ушвержденная приобрѣтеніемъ Финляндіи;
расширеніе предѣловъ Имперіи до рѣки Пруша, въ
сладствіе славнаго мира, заключеннаго въ самыхъ
затруднительныхъ обстоятельствахъ, завоеваніе
новыхъ земель отъ Персіи, присоединеніе сосѣдст-
веннаго народа, который сближаясь съ нами одина-

кими чувствованіями къ общему нашему ГОСУДАРЮ, приобщилъ блескъ Царскаго вѣнца къ сіянію ИМПЕРАТОРСКОЙ Короны: вещь крашкое исчисленіе того, что совершилъ АЛЕКСАНДРЪ I, дабы внѣшнее величіе Имперіи соотвѣтствовало спасительнымъ и великодушнымъ мѣрамъ, клонившимся къ внутреннему ея благосостоянію.

Но правленіе Августѣйшаго Монарха нашего принадлежишь не къ однимъ только лѣтописямъ опечесшвеннымъ. Цѣлый міръ объявляетъ права свои на сію честь: ибо и онъ участвоваль въ благошворныхъ дѣйствіяхъ онаго. Опложимъ здѣсь неумѣстное соревнованіе! мы заимствовали образованность и нравы отъ старшихъ сыновъ Европы; АЛЕКСАНДРЪ заплашилъ долгъ нашъ чуждымъ народамъ. Вѣчно незабвенные годы, вы были свидѣтелями Его торжественнаго и спасительнаго похода, предпринимаго Имъ для освобожденія шѣхъ самыхъ народовъ, коихъ пошокъ революціи принесъ къ священнымъ сѣнамъ, бывшимъ оплохомъ всеобщаго пошопы! Вы видѣли наши знамена, развѣвавшіяся на сѣнахъ Парижа, какъ знакъ избавленія: видѣли великодушное возстановленіе спокойствія Франціи, за ужасное вшорженіе силъ ея въ сердце Россіи, за пожаръ древней Руской столицы, за кровь многихъ тысячъ храбрыхъ, пролишую на опечесшвенной землѣ для спасенія опчизны! Великія воспоминанія, возбуждающія чувство собственнаго достоинства и восшорга въ сердцахъ истинно Рус-

кихъ! прекраснѣйшій залогъ славы народной! вы нынѣ спановишесь для насъ еще драгоцѣннѣе, какъ наслѣдіе, оставленное намъ АЛЕКСАНДРОМЪ.

Не сей ли Монархъ открылъ первый высокую мысль, довершивъ поржештво Христіянскоя религіи распространеніемъ правилъ Евангелія на взаимныя отношенія народовъ, правилъ, столь долгое время ограничивавшихся кругомъ частныхъ обязанностей? Союзъ, заключенный въ духѣ оныхъ между великими Державами швердой земли Европы, имѣлъ красугольнымъ камнемъ Вѣру, цѣлю счастье и спокойствіе народовъ, средшвомъ непоколебимость Престоловъ, порукою характеръ своего Основателя и великодушныя намѣренія всѣхъ прочихъ союзныхъ Государей. Съ того времени, Европейская дипломатика, научившая познавать частное благо въ общемъ, содѣлалась непреложнымъ оракуломъ видовъ самыхъ чистыхъ и намѣреній самыхъ законныхъ. АЛЕКСАНДРЪ всегда былъ душою сей отеческой полишники. Онъ никогда не измѣнялъ своимъ правиламъ, копорыя происпекали ошъ непоколебимаго убѣжденія, были плодомъ искренняго благочесшія и внушеніемъ нѣжнаго челоуколюбія, копорое хошѣло бы объять весь родъ челоуческій.

Но намъ ли исчислишь всѣ Его добродѣтели? Безмерныя дѣянія, голосъ вселенной освобождающъ насъ ошъ сего шруда. Впрочемъ, между сими дѣяніями ешь шакія, коихъ многіе подданные и чужеземцы не могутъ изгладить изъ памяти, непод-

вергшись нареканию въ личной неблагодарности. Благотворительность, восшедшая на прронъ съ АЛЕКСАНДРОМЪ I, обеспечила вѣрное прибѣжище всѣмъ подданнымъ Его, коимъ одно только несчасіе даетъ право на милость Монаршую. Для неистощимыхъ щедротъ сего Монарха обширное пространство Его Имперіи казалось пѣснымъ. Несчастливыя страны отдаленныхъ и народовъ чуждыхъ обрѣтали въ Немъ второе Провидѣніе. Всѣ говорили, что по какой-то прогашельной симпатіи между великодушіемъ и несчасіемъ, образъ АЛЕКСАНДРА повсюду являлся, какъ бы предзнаменованіемъ неожиданной помощи и близкаго утѣшенія. Такъ несчастные разныхъ вѣроисповѣданій обращаютъ взоры свои къ тому же Небу, когда они поражены печалію, или несчасіемъ.

Все въ особѣ АЛЕКСАНДРА возвѣщало Монарха, избраннаго для высокаго назначенія. Мы ссылаемся на всѣхъ пѣхъ, копорые обращая на Него взоры, исполненные благоговѣнія и любви, съ воспоргомъ созерцали чершы Его, столь благородныя, величественныя и крошкія — залогъ общаго счасія. Нельзя сомнѣваться, чшобы сія внѣшняя сила не обнаруживала своего вліянія въ ходѣ великихъ происшествій. Дѣйствіе ея всегда и вездѣ было одинаково. Между прочимъ достойно замѣчанія, что шолчасъ по вступленіи въ столицу Франціи, ИМПЕРАТОРЪ изволилъ обходить пѣшкомъ разныя части Парижа подѣ единственною защитою сего оча-

рованія, распротраняемаго Его Особою, очарованія, которое оковало удивленіемъ, бывшихъ за день предъ шѣмъ Его врагами. Если видъ Его производилъ столь чудесное дѣйствіе въ дни счастья: то какую любовь и преданность возбуждалъ онъ среди бѣдствій? Чшо АЛЕКСАНДРЪ послѣ бѣдственнаго дня, 7-го Ноября 1834, изгладилъ гибельные слѣды наводненія, сего можно было бы ожидать отъ каждаго добраго и великодушнаго ГОСУДАРЯ; но чшо жертвы сего ужаснаго дня, бѣдные, лишеныя пріюта и насущнаго хлѣба, поставляли утѣшительныя слова ГОСУДАРЯ несравненно выше даровъ Его щедростъ; чшо они почитали себя уже вполне вознагражденными присушествіемъ ГОСУДАРЯ, который безъ свиты, въ лодкѣ ежедневно посѣщаль самыя глухія и населенныя бѣдными жишелями предмѣстія столицы для личнаго удостовѣренія въ великости постигшаго ихъ бѣдствія и немедленнаго уврачеванія сердечныхъ ранъ ихъ: это черты, отличающія характеръ АЛЕКСАНДРА.

Прервемъ здѣсь наши хвалы, слабое выраженіе чувствъ, которыя весь міръ раздѣляетъ съ нами. И кто не восплачетъ объ АЛЕКСАНДРЪ! Европа горестно склоняется надъ его гробомъ; скоро печальное извѣстіе разнесѣтся по всей землѣ, и каждый, кто только умѣетъ чувствовать цѣну уваженія къ человѣчеству въ верховномъ санѣ, услыша вѣсть сію, принесетъ справедливую дань прискорбія. Но великій Боже! какое зрѣлище намъ представляется!—

Августѣйшая и нѣжная Машеръ, коей суждено пережишь Его, утѣшительница несчастныхъ, Сама безутѣшна; весь Императорскій Домъ, пораженный горестію, равняющеюся только величайшей утратѣ Его, и Ангель, дарованный свыше въ супруги АЛЕКСАНДРУ, принявшій послѣдній вздохъ Его!... гдѣ найти языкъ, способный для выраженія Ея горестіи?— Смиримся предъ судьбами Промысла, не дерзая ихъ испытывать, не умощая бесплоднаго вишійства для изображенія безпредельной печали, и вознесемъ пламенные молишвы наши къ Богу милосердія и щедротъ, да воскреситъ Онъ АЛЕКСАНДРА въ Августѣйшемъ Его Братѣ и Преемникѣ.

Санктпетербургъ, 23-го Января, 1826 года.

Нашимъ чинашелямъ извѣстно, съ какимъ глубокимъ чувствомъ прискорбія и чуждые намъ народы узнали о кончинѣ незабвеннаго ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА. Не мы одни лишились въ Немъ Великаго ГОСУДАРЯ; слава Его принадлежала Европѣ, почти сполько же, какъ Россіи: ибо она была цѣною избавленія отъ общаго ненавистнаго ига. И въ самые дни мира благодѣтельное вліяніе Его могущества распространилось на другія Державы, служа и для нихъ надежнымъ залогомъ тишины и устройства. Сіи знаки усерднаго участія въ

нашей горести не прерывающа: Дворы союзные — а союзниками АЛЕКСАНДРА были все Правительсва просвѣщенные, — кои столь часто изъявляли безпредѣльную довѣренность къ великодушнымъ правиламъ Его Полишки, нынѣ спараюся воздать должную честь Его священной памяти, единодушнымъ изъявленіемъ дружелюбія и уваженія къ Августѣйшему Преснику Престола Его. Между ими первый, Топъ, который въ самыхъ смущенныхъ обстоятельсвахъ не перескавалъ въ сердце бытъ другомъ нашего возлюбленнаго Монарха и Россіи, Король Прусскій, назначилъ Своимъ представителемъ въ семъ важномъ случаѣ Сына Своего, Принца *Вильгельма*. За нимъ вскорѣ прибыли къ Императорскому Двору, связанные съ онымъ узами родства и любви, равно какъ и взаимностию Политическихъ выгодъ, Наслѣдный Принцъ Мекленбургъ-Шверинскій, Маркграфъ *Леопольдъ* Баденскій, и Его Королевское Высочество Принцъ Оранскій, отличенный особенною нѣжною дружбою въ Бозѣ почивающаго ИМПЕРАТОРА, и при послѣдней съ Нимъ разлукѣ, еще осыпанный новыми оной знаками; внезапно пораженный ужасною вѣспию, собственною неизъяснимою горестию Супруги, онъ спѣшилъ въ мѣста для него освященныя воспоминаніемъ, поклониться драгоценному праху и раздѣлить скорбь съ другими Членами съшущаго Августѣйшаго семейства.

Съ порученіемъ отъ Императора Австрійскаго, давшіяго, постояннаго Союзника нашего Отече-

ства и личнаго друга Покойнаго ГОСУДАРЯ, здѣсь также Принцъ, ближній родственникъ Его Величества, Эрцъ-Герцогъ *Фердинандъ* Эстскій, прославившій себя въ кампанію 1805-го года; а Правительство Великобританіи въ исполковашели своихъ чувствъ и намѣреній избрало одного изъ Героевъ нашего вѣка, Полководца, который при Ватерло нанесъ послѣдній ударъ *Наполеону*, и шѣмъ въ лѣтописяхъ мира присоединилъ имя свое къ имени Главнаго освободителя Европы, АЛЕКСАНДРА Перваго.

По извѣстіямъ, полученнымъ прешьяго дня изъ Лондона, *Дюкъ Веллингтонъ* долженъ былъ вскорѣ выѣхать, и будетъ въ Санктшербургъ, вѣроятно, къ исходу Февраля.

Письмо изъ Болоніи.

Изъ Hermann Friedländers Ansichten von Italien.

Посвящено Алек. Дан. Башуцкому.

Видъ Болоніи.

Многіе называютъ сей древній и почтеніе къ себѣ вселяющій городъ, какъ мнѣ кажется, со вѣмъ несправедливо, унылымъ. Характеръ его, конечно, важенъ, однакожъ не безъ благошворной пріятности, свойственной Южнымъ странамъ. У домовъ почши

вездѣ находящаяся, по обѣимъ сторонамъ улицы, крышы колонады; ошъ чего городъ получаетъ, можешь быть, однообразный видъ, но для пѣшеходцевъ это весьма благодѣтельное устройство. Не только многіе дома порознь, но и цѣлые ряды оныхъ опличаются красивыми колоннами, сводами и вообще пріятною Архитекшурою. Прежнее благосостояніе города явствуетъ изъ великаго множества обширныхъ и прочныхъ зданій, дворцовъ и богатыхъ церквей. Еще и понынѣ считается здѣсь 60,000 жителей, и между ними находится много древнихъ и богатыхъ семействъ. Вообще съ именемъ Болоніи сопряжены великія воспоминанія. Когда мракъ невѣжества еще тяготѣлъ надъ Европою, Болонія уже была убѣжищемъ Наукъ и Художествъ (*Bononia mater studiorum—Bononia docet, —*); а Университетъ ея, процвѣтавшій уже въ пятомъ столѣтіи, столь славился въ Европѣ, что нѣкогда находилось въ немъ болѣе 12,000 учащихся. Живопись образовала здѣсь обширную и могущественную школу. Словомъ, искусства и науки находили здѣсь во все времена ревностныхъ покровителей. Наконецъ не напрасно называютъ Болонію *жирною* (*la grassa*); ибо плодородная почва доставляетъ въ изобиліи все нужное къ пропитанію жителей, а приготовляемые здѣсь окороки и колбасы вошли въ пословицу. Изъ сада *Giardino publico* или *montagnuolo*, находящагося въ городѣ на прекрасномъ мѣстѣ, можно обозрѣть большое пространство красивыхъ окрестностей и часть го-

рода съ его безчисленными башнями. Кому еще не извѣстно, въ какомъ состояніи находящаяся въ Италіи Сонеты, сочиняемые на разные случаи; пошъ, видя здѣсь великое множество Спихошвореній сего рода, вѣрно почель бы Болонію опечесшвомъ всѣхъ Поэшовъ. На всѣхъ почши углахъ и столбахъ прилѣплены на цѣлыхъ листахъ крупнымъ шрифтомъ напечатанные Сонеты, на пр. на прибытіе Папскаго Легаша по случаю посвященія въ Паперы Синьора *А. . . .*, на смерть Синьоры *Б. . . .*; подобныя Сонеты тамъ заступаютъ мѣсто обыкновенныхъ нашихъ объявленій. Народъ, у коего любовь ко всему изящному есть почши врожденное чувство, легче сочинишь Сонетъ, и употребишь его въ общежитіи съ меньшею трудностію, нежели жисели другихъ земель — поклонъ.

Древнія зданія и площади.

Главная городская площадь (*piazza maggiore*) окружена древними спроеніями, кошорыя, хошя не имѣютъ ничего опличнаго, но прочны и величественны. Общественный дворецъ (*Palazzo publico*) обширенъ и былъ бы для пущешественника замѣчательнѣе, еслибъ время сохранило чугунную спашую Папы Юлія II, произведеніе *Мишель-Анжа*. Прощивъ дворца стойишь, шакъ называемый, замокъ Короля Энція, (принадлежацій шеперь Подесту) кошорый хошя уже спаръ и во многихъ мѣспахъ поврежденъ, но имѣетъ величественный видъ. Между сими дворцами находится фоншанъ, украшенный

знаменистымъ Непшуномъ Юанна Болонскаго. Другую часть площади занимаетъ большая церковь *Св. Петронія* съ достроеннымъ фасадомъ. На малой площади (*Piazza minore*) стоятъ двѣ древнія башни Азинелли и Гаризенда. Первая имѣетъ въ высоту болѣе 300 фушовъ, въ ширину почти 20, и пошому съ гордостію, кажется, возноситъ главу свою къ небу. Вторая вышиною только въ 144 фуша, коса и опсходитъ опъ опвѣсной почки на 9 фушовъ. Дантъ упоминаетъ объ ней въ *Адѣ*. (*Inf. XXXI и 135*), мы вошли на башню Азинелли, съ коей обзорѣвали великое пространство сей благословенной земли.

Нѣкоторыя церкви въ Болоніи.

Сначала будемъ говорить о здѣшнемъ соборѣ *Св. Петра*. Архитектура его нова, но по моему мнѣнію уже слишкомъ обременена Коринтскими колоннами и разными мѣлочными украшеніями. Внутренность также ни чѣмъ не отличается. Сія церковь достопамятна въ Исторіи Художествъ только по послѣдней картинѣ *Людвика Караджіо*. Она представляетъ надъ главнымъ олшаремъ Благовѣщеніе *al-fresco*, и хошя сама по себѣ имѣетъ мало достоинства, но ошибкою Живописца пріобрѣла себѣ славу, а именно тѣмъ, что складки одѣянія неправильны и не соотвѣтствуютъ поступи и движенію ногъ Ангела. Караджіо тогда только замѣшилъ сію ошибку, когда подмоспики уже были сломаны и слѣдовательно не могъ её поправить. Говорятъ, будто досада

на сію неудачу причинила преждевременную смерть сему главному представителю элекпической школы. Въ ризицѣ есть пополочная картина его же кисти, кошорая изображаетъ Пешра, среди учениковъ оплакивающего свой проснупокъ; но она пакъ почернѣла, что мы не могли замѣнить всѣхъ красокъ сего превосходнаго произведенія живописи.

Церковь *Св. Петронія*, снаружи не представляетъ ничего отличнаго, но внутри обширна и сохранила чистый Готическій стиль. Надъ безчисленными алшарями находится множество Образовъ, изъ коихъ нѣтъ ни одного достопримѣчательнаго въ Художественномъ отношеніи. Еще замѣнить должно древнюю живопись на стеклахъ окошекъ. Кому не извѣстно, что *Карль V.* здѣсь короновался: тошъ можете узнать сіе изъ одной большой картины, представляющей всю церемонію, а просянушая по полу церкви косая мѣдная черта есть славный *меридіанъ Кассина*; эшо скажутъ вамъ многія надписи и черони.

Въ церкви *Madonna di Galiera* находится прекрасная картина *Алана*. Младенець-Спаситель стоитъ на ступеняхъ, и умиленно смотритъ на лучезарное небо, между нѣтъ какъ внизу возносятся къ нему очи Іосифъ и Марія. Не смотря на простоту сочиненія, картина написана съ большимъ чувствомъ и нѣжносію красокъ.

Гораздо обширнѣе и богашѣе церковь *St. Salvatore*. Картина Св. Семейства съ колоссальными фигурами,

произведеніе *Тиціана*, едва ли понравится тому, кто не привыкъ находить изящное въ дименсіяхъ. Изъ другихъ хорошихъ картинъ, упомяну только объ одной *Гарофалозой*, кошорая по моему мнѣнію замѣваешъ всѣ прочія. Младенець Іоаннь Креститель спощъ на колѣняхъ предъ родителами, а позади ихъ Св. Іосифъ, Анна и Марія слушающъ его со вниманіемъ. Младенець, исполненный священнаго вдохновенія, кажешся, открываешъ имъ свое предназначеніе, и прощаешся съ ними, вступая на свое высокое поприще. На сей же картинѣ видно, какъ онъ вдали, (что представляешъ прекрасный ландшафтъ) омываешъ Спасителя Святою водою. Поэщъ Живописецъ искусно сочешалъ высокую важность съ прогашельною крошосцію, и, кажешся, на сію картину разлилъ все богатство и всю прелестъ живописи. Изображеніе юнаго Іоанна Крестителя, произведеніе *Симеона де Пезаро*, находящееся въ ризницѣ, удивительной красоты; также достойна замѣчанія картина *Самакина* представляющая Спраши Іесуса Христа.

Монаштырь и церковь *Св. Доминика* принадлежашъ, можешъ бышь, къ великолѣпнѣйшимъ зданіямъ во всей Италіи. Въ послѣдней находихся гробъ *Св. Доминика*, и кромѣ того много достопримѣчательнаго. Не говоря о мѣстѣ, назначенномъ Даншомъ сему Святому въ раѣ, (Св. Бонавеншуръ подробно описалъ житіе сего *Santo-Atleta*). мы спашемъ разсмашривашъ художественныя произведенія, коими

набожность украсила гробницу его. Въ великолѣпной, ему посвященной часовнѣ, покоишься прахъ его въ мраморномъ кивотѣ, на которомъ *Николай Пизано* изобразилъ въ рѣзной работѣ чудесные подвиги сего Святаго. Работа, хотя еще немного груба, но довольно искусна. Въ свое время она славилась споль превосходною, что художникъ ошъ нее получилъ наименованіе *dell Arca*. Предъ симъ кивотомъ (Арца) спояншъ двѣ небольшихъ мраморныхъ спашуи, представляющія двухъ Ангеловъ, преклоняющихъ колѣна съ свѣпильниками въ рукахъ. Одинъ изъ нихъ весьма посредственъ, но другій неизьяснимой красоты. Прелестное лице его, ошнейное роскошными локонами, дышетъ благоспїю и кропкимъ веселїемъ. Даже широкая риза его обработана съ удивительнымъ искусствомъ. Но знаете ли вы шворца сего *non plus ultra* нѣжнаго изобрѣшенія? ужасный Мишель Анжо! Еслибъ Вазарїи не сохранилъ для насъ исторїи сей спашуи, то шрудно было бы повѣрїшь, чтобы шотъ, кто изобрѣлъ *Страшный судъ*, въ состоянїи былъ произвестъ шакое нѣжное созданіе рѣзца. Вошъ какъ эшо случилось: послѣ изгнанія Медичисовъ изъ Флоренціи, удалился съ ними и преданный имъ *М. Анжъ*. Сначала жилъ онъ въ Венеціи, а пошомъ прїѣхалъ въ Болонїю, гдѣ однажды задержанъ былъ у городскихъ воротъ: ибо забылъ взять съ собою паспортъ, и шребовали ошъ него 50 лиръ штрафа. Случайно пришелъ шуда же *Джїованно Алдрованди*, одинъ изъ шестнадцати

городскихъ старшинъ, и приказалъ освободить молодаго челоуька, который ему шакъ понравился, что взялъ къ себѣ въ домъ. Тамъ юноша, коего чистое Тосканское произношеніе особенно понравилосъ хозяину, долженъ былъ чишашъ ему Данша и Пешрарка. Сочиненія послѣдняго, какъ извѣстно, зналъ онъ наизусть. Здѣсь-шо М. Анжъ сдѣлалъ помянушаго Ангела, и поставилъ его на гробницу *Доминика*. Живопись на куполь *al Fresco*, представляющая воспріятіе *Св. Доминика* въ небеса, ешь произведеніе *Гвида*, который съ ученицею своею *Елсаветою Сирани* и *Л. Караггьемъ* здѣсь погребены. Надъ хорнымъ олшаремъ виситъ каршина, представляющая Поклоненіе Волхвовъ; шакже хорныя креслы достойны примѣчанія. Если стоишь издали, шо видишь живопись самой нѣжной кисти; но при разсматриваніи вблизи оказываешся, что все сіе искусно сосшавлено изъ дерева (*intarsiate*). Сія единственная въ своемъ родѣ работа ешь произведеніе двухъ Ломбардскихъ Монаховъ. Говорятъ, что уже Карлъ V удивлялся искусству сихъ художниковъ. *Св. Цецилія* Рафаеля еще не возвращена въ церковь *St. Giovanni in monte*, а пошому мы шуда не пошли. Въ церкви *St. Paolo de' Barnabeti* можно познакомиться съ превосходнымъ паланшомъ Алгардія. Главный олшаръ образуетъ мраморную каяедру, надъ которою подъ балдахиномъ споятъ двѣ статуи его, превышающія обыкновенный челоуьчскій ростъ. Одна представляешъ

Апостола Петра колѣнопреклоненнаго, а другая палача съ замахнувшимъ мечемъ. Я удерживаюсь отъ сужденій объ идеѣ сего произведенія, полагая, что сія спашуя, можетъ бытъ, сдѣлана на заказъ; но предметъ недостоинъ изящныхъ искусствъ, а еще менѣе ваянія. Грубое дѣйствіе наказанія, вышавленное здѣсь, такъ сказать, на показъ, ничѣмъ не освящено и заславляетъ насъ сожалѣть о Художникѣ, который исшощилъ все свое искусство и прилѣжаніе, единственно для того, чтобы возбудишь ужасъ и содроганіе. Впрочемъ, спашуи доказывающъ неумѣренный вкусъ позднѣйшей школы: одеждѣ недостаетъ истинной простоты, а стѣло гибко и положеніе его естественное. Почернѣвшія картины Л. Караггил: Рай, спасеніе душъ изъ чистилища, Св. Дѣва и Троица, вмѣстѣ взяшыя, не возбуждаютъ сколько вниманія, сколько одна небольшая прелестная Мадонна съ Младенцемъ на рукахъ: это произведеніе Франциска Франціа.

Церковь *St. Giacomo Maggiore* богата картинами, изъ коихъ достопримѣчательнѣе всѣхъ такъ называемая *Bentivoglio*. Лоренцо Коса, уроженецъ Феррарскій, украсилъ ее картинами альфреско, но Францискъ Франціа, сія яркая звѣзда сшарой Болонской школы, подарилъ ей превосходную картину: Мадонна среди Ангеловъ предсшавлена въ истинно мелодическомъ, душу глубоко прогающемъ видѣ. Когда смощришь на такую картину любви и невинности: то всѣ грозныя сочиненія другихъ Худож-

никовъ кажутся ничтожными; опъ нихъ опво-
рачиваешь безъ назиданія.

Галлерей.

Сначала назовемъ галерею *Marescalchi*, которую мы часто посѣщали. Она богата, обширна, и уже въ передней залѣ являешь классическою. Тушь ешь двѣ хорошихъ сѣнныхъ карсинъ; первая изображаешь въ двухъ прелесныхъ фигурахъ огонь и воздухъ, писанныя Г. Ренномъ, а впоря, возвращенная молодость Язону Медею, сочиненіе Пелегрины Тибальди. Изъ множества карсинъ, здѣсь находящихя, достойны примѣчанія слѣдующія: Св. Маркъ, испытывающій Венеціанскихъ Инквизишоровъ, соч. *Тиціана*, съ надписью на пѣдесталѣ: *Pensate al fin* и *tres in uno*. Головы, вѣроятно съ оригиналовъ писанныя, превосходны. Изображеніе брадашаго Венеціанца исполнено огня и силы. *Понторма*: поясный образъ Христа, держащаго спекляный шаръ, и приношеніе дѣшей во храмъ. Во Флоренціи надѣмся познакомиться съ лучшими произведеніями сего Художника. Кольнопреклоненный Ангель въ широкомъ красномъ одѣяніи, держащій въ рукъ паникадило, почишаешь произведеніемъ *Дирера*. Въ одной залѣ надъ каминомъ, написана Л. Караччіемъ *al Fresco* Бдимость, опирающаяся рукою объ колонну. Апостолы Пепръ и Павелъ писаны съ такою живоспію и силою, имѣющъ такое выраженіе свяшости, какого едва можно было ожидать опъ кисти *М. А. Караваджил*. Мадонна *Конегліана*,

сидящая на тронѣ, и окруженная чепырьмя Святыми, написана превосходно. Судь Соломоновъ *Giorgione*, гдѣ фигуры имѣють почти человѣческой ростъ, хотя не окончанъ, но жены и нѣкопоря другія лица прелестны. Корреджіевой кисти находятся здѣсь двѣ большія каршины. На одной изображены въ мрачномъ лѣсу Св. Пётръ, Св. Маргарита, Св. Магдалена и Св. Леонардъ: всѣ они имѣють очаровательную выразительность. Впрочемъ не смотря на сіи преимущества, я впрочемъ почтищаю въищемъ искусства сего Художника. Спаситель возсѣдиль въ лучезарныхъ небесахъ на легкомъ облакѣ, поддерживаемомъ Ангелами, а позади головы Ангеловъ упоають въ яркомъ сіяніи неба. — Лице Спасителя, дышущее блаженствомъ, неизреченною крошостию, и благостию, осынено темнорусыми кудрями; верхняя часть шѣла обнажена, руки полупростерты для благословенія, и радостный Искупитель, кажется, зоветь весь міръ къ Своему сердцу. Нижнюю часть шѣла прикрываетъ ярко-бѣлая риза. Нельзя понять, какимъ образомъ живописецъ могъ съ такими малыми средствами достигнуть столь великой цѣли. Расположеніе фигуръ, ошѣлка, краски, все чрезвычайно просто; но при всемъ томъ невозможно выразить всѣхъ прелестей, коихъ исполнена сія единственная картина. Когда Смотритель (*Custode*) всю почти комнату значительно зашмилъ, то ясно увидѣли мы яркое сіяніе, исходящее лучами изъ сей чудесной каршины. Нынешній владѣтель оной умѣеть

цѣнишь ее: это доказываетъ не только значительная сумма, которую онъ за нее заплашилъ, но и неутомимыя старанія его о сохраненіи сего драгоценнаго произведенія живописи. Въ послѣдней комнатѣ достойна примѣчанія картина *Esse homo*; кисти *Sahiana*; еѣ въ прежнія времена даже почтывали произведеніемъ *Леонарда де Винчи*. Не менѣе богата и замѣчанія достойна галлерей *Эрколани*. Она заключаетъ въ себѣ множество картинъ древней Болонской живописи и можешь служить къ познанію нѣкоторыхъ, мало извѣстныхъ живописцевъ. Такъ на пр: находятся въ ней превосходное *снятіе со креста*, *Луки Буска*, и *Мадонна*, окруженная Святыми, соч. *Скагіанамига*, Болонскаго уроженца знашнаго происхожденія, который написалъ мало картинъ, но превосходныхъ. Еслибъ я захошѣлъ исчислить всѣ сокровища, здѣсь сохраняющіяся, я бы принужденъ былъ назвать великое множество славныхъ художниковъ и ихъ произведенія. Однако жъ о нѣкоторыхъ не могу умолчать. Изъ прочихъ картинъ болѣе всѣхъ отличаетъ одна *Перугинова*, представляющая Христа съ Апостоломъ *Томою* и *Св. Антоніемъ*. Впрочемъ и *Св. Лавреншій*, писанный *Ф. Франціо*, есть превосходная картина по числостѣ и живости красокъ. — Подлѣ *Мадонны* виситъ на правой сторонѣ *Св. Геронимъ*, а на лѣвой *Св. Лавреншій* въ красной Левитской одеждѣ. Внизу сидятъ два Ангела, играющіе на арфахъ, а задній планъ картины представляетъ гористый

ландшафтшъ. Сія картина сильно дѣйствуетъ на чувства; невидимый приливъ любви и блаженства изливается на зрителя, и волшебною силою спремимъ его къ симъ обитателямъ небесъ. Вотъ искусство знаменишаго Франціо, достойнаго блистать на ряду съ Рафаэлемъ. Вазарій рассказываетъ, что имъ овладѣла такая зависть, когда увидѣлъ Рафаэлеву Цецилію, что онъ занемогъ и вскорѣ послѣ того умеръ.

Недалеко отъ сей картины виситъ другая маленькая, почищаемая юношескимъ произведеніемъ *Корреджіа*. Мадонна качаетъ на рукахъ прелестнаго Младенца и смотритъ на него съ тихимъ машеринскимъ удовольствіемъ. Здѣсь находишься также картина *Июгенца да Имола*, напоминающая о преходнѣйшемъ изображеніи *Madonna del pesse*. Рафаэля Св. Дѣва, Ангель Рафаиль, молодой Товіа, Себастіанъ и Ангель, играющій на арфѣ, составляютъ на ней прелестное цѣлос. Въспомни съ сими драгоценными произведеніями живописи сохраняющіяся также для рѣдкости нѣкоторыя безобразныя картины *Даніа да Капуньяна*. Онъ былъ современникомъ Караччіа, и при совершенномъ отсутствіи вкуса и таланта, былъ столь занятъ собою, что соединился съ первыми Булонскими Художниками. — Большую часть художественныхъ драгоценностей Капуньяна приобрѣлъ Князь Эрколани изъ разныхъ Монастырей и заведеній.

Такимъ же образомъ обогатилась и Болонская Академія Художествъ, учрежденная въ бывшемъ Монастырѣ Св. Игнація. Сію картинную галерею можно назвать превосходною, особливо въ разсужденіи Болонской Исторіи живописи, которая простирается отъ Византійской до живописи новѣйшихъ временъ. Одна зала галереи наполнена картинами воспитанниковъ, которыхъ довольно посредственны. Здѣсь мы видѣли также множество гипсовыхъ снимковъ съ извѣснѣйшихъ антиковъ. Вообще для художника здѣсь богатый запасъ рѣдкостей.

Въ галереѣ Цамбекари, не смотря на великое множество посредственныхъ и дурныхъ вещей, находится нѣсколько превосходныхъ произведеній изящныхъ искусствъ. Такъ на пр: видны уже въ первой залѣ нѣсколько Мадоннъ знаменистаго *Франціо*. Отъ Караваджіевой *Иудеи*, которая опсѣкаетъ голову Голоферну: не лзя не ошворопишься съ ужасомъ. Но шѣмъ привлекательнѣе въ орапоріи Мадонна съ Младенцемъ, не смотря на то, что характеры писаны въ новѣйшемъ вкусѣ, и краски почти страваты. Здѣсь показываютъ: превосходное Распяііе изъ слоновой кости, произведеніе *Алгарда*; Поклоненіе Волхвовъ, сдѣланное изъ глины *Диреромъ* и Б. *Челли*; серебряное Сняііе со Креста со многими къ оному принадлежащими фигурами; и Ессе homo (какъ полагають) *Дирера*. Ни одна картина знаменистаго *Гвидо* не поразила меня такъ, какъ его Св. Францискъ, который преклоняя колѣна предъ Рас-

пятіемъ, кажется, весь углубленъ въ тихое прогашельное созерцаніе неба. Наконецъ, находится здѣсь много картинъ *Л. Караггія*, коихъ гравированныя копіи довольно извѣсны; на пр. пиръ Ангеловъ, сонъ Іакова и ш. д.

Во дворцѣ *Алдрованды* видѣлъ я шесть маленькихъ, но достопримѣчательныхъ картинъ *Корреджіа*, составляющихъ копіи съ картинъ, копорыя украшаютъ куполь Пармской церкви; два изображенія колѣнопреклоненныхъ Ангеловъ; Мадонна *Беллина* и многія другія картины *Г. Караггія*. — Галлерей Танари также содержишь въ себѣ значительное количество художественныхъ рѣдкостей; но галлерей *Цампieri*, прежде столь богашая и славная, теперь почти совсѣмъ пуста, и только достопримѣчательна по картинамъ *al Fresco*, написаннымъ Карачіемъ и Геричини.

Академія.

Велпчественное, въ большомъ стилѣ построенное зданіе, въ 1714 году, съ Университетомъ. Нынѣшнимъ устройствомъ Академія обязана Графу Марзильи. Самое зданіе превосходно построено *П. Тибальдомъ*, а способы къ образованію молодыхъ людей находящяся въ цвѣтущемъ состояніи. На дворѣ находится зала съ инструментами и препаратами для повивальнаго искусства. Многіе препараты сдѣланы извѣсною Анною *Манцолли*. На верху, между физическими залами, сооружены памяшники *Галваніи* и *Лауры Басси Бератти*, копорыя

здесь нѣкогда преподавали Экспериментальную Физику. Физическіе аппараты наполняютъ шесть залъ, Анапомическія двѣ. Въ послѣднихъ находящяся превосходные восковые препараты, сдѣланные *Эрколомъ Лелли*, и во многихъ отношеніяхъ далеко превосходящіе Флоренцінскіе. Натуральный кабинетъ, хотя не изъ числа богатѣйшихъ, однакожъ заключаетъ въ себѣ множество любопытныхъ предметовъ. Моллюсковъ Адриатическаго моря (мягкихъ червей) находится здѣсь полная коллекція. Минералогическій кабинетъ богатъ вулканическими произведеніями и окаменѣlostями. Въ библіотекѣ висятъ изображенія славнѣйшихъ Бодонскихъ ученыхъ Мужей и сооруженъ монументъ Графу Марзильи. Сія библіотека, говорящъ, заключаетъ въ себѣ 200,000 томовъ. Она находится въ удобномъ мѣстѣ и управляется *Меццофантомъ*, однимъ изъ знаменитѣйшихъ Филологовъ Италіи. Подлѣ библіотеки построены Археологическій Музей, который заключаетъ въ себѣ всю исторію изящныхъ искусствъ, начиная отъ холодныхъ Египетскихъ формъ до блистательной эпохи Греческихъ Художниковъ. Греческія и Римскія вещи въ маломъ видѣ изъ бронзы достойны замѣчанія, особливо жершвенная и домашняя ушварь. Сказываютъ, что здѣсь находится также полная коллекція Римскихъ вѣсовъ. Пономъ слѣдуетъ зала съ художественными произведеніями среднихъ вѣковъ, гдѣ особенно отличаетъя колоссальная бронзовая сшашуя одного Папы, XII столѣтія. Диптихи,

припшихи, дорогая рѣзная работа изъ слоновой кости и другія рѣдкія вещи чрезвычайно занимательны для любопытнаго путешественника. Еще другая зала заключаешь въ себѣ ушварь и одежды народовъ всѣхъ частей свѣса, а послѣдняя посвящена Архисекшурѣ и содержишь въ себѣ слѣпки съ доспомятныхъ зданій, модели колоннъ, знаменитыхъ пирамидъ, обелисковъ и ш. д.

Обсерваторія и превосходный ботаническій садъ также достойны вниманія путешественника. Вопрь что я только успѣлъ замѣтить изъ богатаго запаса художественныхъ рѣдкостей, хранящихся въ Болоніи, и пошому прошу каждаго благонамѣреннаго путешественника, чтобы онъ долѣе осматривался въ семь городѣ, и сообщилъ намъ свои замѣчанія о другихъ произведеніяхъ изящныхъ Искусствъ.

М . г . з . н . р ѣ .

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЭЛЕГИЧЕСКАЯ ПѢСНЬ.

На кончину ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА,
САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО.

Скончался Царь нашъ! Царь нашъ живъ!

Еще не умолкаль веселья шумный кликъ
Въ столицѣ, счастливой подъ сѣнью благотворной;
На пиршествахъ гремѣль Царю хвалебный ликъ
Признавательныхъ сердець любви непритворной,

А Онъ — виновникъ нашихъ благъ,
Въ топь часъ, на дальнихъ берегахъ,
Боролся съ смертію, подъ бременемъ недуга!

Вблизи, въ безмолвьи и слезахъ,
Порфиросная Супруга
Прощаясь съ земнымъ Царемъ,

Царю Небесному молилася о Немъ....

И тихо все окрестъ!.... Царица вострепунулась!

Бьетъ часъ ужасный, роковой!

Сверкаешь смерть губительной косой,
Сразила!.... и сама надъ жершвой содрогнулась!

Освободитель Царствъ, поборникъ правъ священныхъ,
Законовъ спражь, народовъ благодѣтель,

Почилъ.... и няжкій вопль народовъ и чужихъ,
Ихъ непритворныхъ чувствъ немолчный вѣкъ свидѣтель!

Почилъ.... и слухъ правдивъ; и не превожный сонъ

Насъ хладнымъ ужасомъ до сердца поражаетъ:

Нѣтъ! всѣ концы земли — Россіи внемяюшь спонъ,

И цѣлый міръ рыдаешь!

И Тотъ, Кто бодрствениный, незримо осяненъ

Щитомъ Всесильнаго, сражалъ враговъ закона,

Побѣдой искупляя Царей поспыдный плѣнь
И смерть гордыни рога съ чела Наполеона;
Кто славой принесенъ Люшеціи къ сѣвнамъ,
Не жаждалъ мщенія, не требовалъ кумира,
Но проповѣдывалъ Евангеліе міра,

Простя своимъ врагамъ, . . .

Кто истребивъ въ сердцахъ все плебелы раздора,
Въ нихъ добродѣтелей посѣялъ сѣмена,
И обновленные воскресли племена,

Забывъ дни бѣдспій, дни позора. . . .

Кто самъ, бывъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
Надеждой долгихъ дней льснилъ родинѣ священной,

Какъ кропкій лучъ блеснулъ — и нѣтъ

Спасшедя вселенной!

А ты — о Ангель во плоти!

О добродѣтель безъ примѣра!

ЕЛИСАВЕТА! Ты не смѣла опойши

Ошь праха милаго! Твой вздохъ сказалъ: просни!

Все упованіе, Вся вѣра,

Съ небесной въ сердце шипиной

Безшрепетной рукой

Супругу очи Ты почившему смежила

И швердостью души высокою изумила!

Но сколь нестройныхъ спрунь

Теперь ничтожны звуки!

Съ Азовскихъ береговъ прерывистый перунъ

Твердишь о горести сыновъ съ Ошцемъ разлуки!

Во гробъ АЛЕКСАНДРЪ! и спрощивуемъ мы!

Народы все въ слезахъ! и нѣтъ Его возврата!

Сіеешь солнце намъ — но не разсѣетъ тьмы:

Унылемъ насъ мрачнѣе везанная ушрапа!

Благословенный Царь! какъ родинѣ свяшой,
Такъ и спранамъ чужимъ служа благошвореньемъ,
Ты впелъ въ ликъ праведныхъ сердечной добротой,
И тамъ сплжалъ вѣнецъ смиренъемъ.

О Тынь священная! прости
Безвѣстному Пѣвцу сей скорби изліянье,
Не разъ онъ пѣлъ Тебя, какъ славы на пути,
Великій! Ты выпмалъ всѣхъ Царспивъ рукоплесканье!
Безсиленъ гласъ его! — но лучшая хвала
Европѣ славный миръ, дарованный Тобою,
Пусть общей матерью, Ты будешь скрышь, землѣю
Но живы ввѣкъ — Твои дѣла!

И отъ Азовскихъ странъ до береговъ Балтійскихъ,
Отъ Европейскихъ странъ Россіи до Азійскихъ,
Во всѣхъ сердцахъ одинъ отзвѣвъ:
Скончался Царь нашъ! Царь нашъ живъ!

Д.м. Гльбовъ.

Москва,
21-го Декабря 1825.

ЭЛЕГІЯ.

Мол Камена ей пѣвала;
Но сила взора красоты
Не мучила, не усаждала
Моей надежды и мечны;
Но чувства пылкаго, живаго
Любви не зналъ я: такъ волна
Въ лучахъ свѣтила золотаго
Блещишь, кипишь, цо холодна.

Н. Языковъ.

ЭЛЕГИЯ.

Свободенъ я: уже не пращу
Ни дня, ни ночи, ни стиховъ
За милый взглядъ, за пару словъ,
Мнѣ подаренныхъ на удачу.
Въ часы бездушныхъ вечеровъ.
Мои свѣтлюшъ упованья,
Печаль отъ сердца ошошла
И съ ней любовь; такъ паръ дыханья
Смещаетъ съ чистаго стекла.

Н. Языковъ.

ВЗДОХЪ ТРУБАДУРА.

Увы! прошла пора сердечнаго покою;
Пора восторга и стиховъ!
Уже я цитры не настрою,
Не слажу пѣсни про любовь!

Любовь такъ сладко отманяла,
Пѣвца отъ лавровъ и меча!
И такъ мнѣ горько измѣнила:
Въ рукахъ замокъ, да нѣшь клюка!

*

Одной туда взойдетъ дорожкой:
И та, какъ крѣпость, заперла!
Ахъ! если бы хощя въ окошко
Мнѣ улыбулась красота!..

Θ. Глинка.

Θ. Н. Глинка.

Любимый Музами Поэтъ,
Судя неллицемѣрный знаній
И другъ досступный дарованій!
Уже ли въ цвѣтѣхъ нѣжныхъ лѣтъ,
Еще не думая о славъ,
Но лишь *вступитъ желая въ свѣтъ*,
Имѣшь цѣвницу я не въ правъ?
Уже ли огонь, въ душѣ моей
Воспламеняясь поспешенно,
Быть долженъ погашенъ мгновенно,
А не пылашь?.....
Иль вашего, Поэтъ, вниманья
Не заслужилъ досель я?
Иль позабыли Вы меня?....
Поэтъ, скажите!.... безъ ропшанья
Перенесу Вашъ приговоръ.
Я жду его, — жду съ давнихъ поръ! —

Какъ часто, жизнью восхищенный,
Съ невинной сердца простотой,
Лечу за рѣзвою мечтой,
И, забываясь, — дерзновенный —
Стремлюсь къ цѣвницѣ золотой!
Какъ часто Васъ, Поэтъ, читалъ,
Парю душою я пѣда,
Незнаютъ бѣдъ гдѣ никогда;
И добродѣтель гдѣ свяшая
Преградой служить злу всегда!
Но чаще, горестью убитый,
Въ уединеннн слезы лью;
И Вами, о Поэтъ, забытый,
Грущу о томъ, что не пою!
Ахъ! и теперь мои ланишы
Слезами горькими омыты! —
Давноль, пипомецъ Музъ, *Плетнёвъ*
Меня поссорилъ съ дѣтской лѣнью
И возбудилъ охоту къ пѣнью?
Давноль, ничтожный пѣз Пѣвцовъ,
Благодаря его душою,
Я пѣлъ веселіе мое
И, забывая бытіе,
Я утѣшалъ себя мечтою?
Давноль? И чшожь? — Цѣвницы звонъ
Уже мнѣ чуждъ . . . въ жару мечтаній,
Ужь не пою; но — скорби полнъ —
Терплю боль сердца безъ роптаній; —
Поэтъ! возможно ли помншь
Такъ долго юношу молчаньемъ? —
Себя питалъ *упованьемъ*;
Онъ хочетъ пѣть! онъ хочетъ жить!

Н. Лутковской.

СПАРТАНКИ.

Ахъ! почто опшлылъ я опъ бреговъ Родосскихъ,
Мнѣ бы въкъ не видѣшь дѣвъ Лакедемонскихъ!
Не выдавъ Ареты — я щаспливо жилъ.
Я спокоенъ былъ.

Кто не зрѣлъ Спартанокъ въ играхъ шумныхъ, рѣзвыхъ,
Тотъ не видѣлъ Грацій, не знавалъ прелестныхъ!
На берегахъ Эвроса въ Спартѣ не бывалъ —
Сердца не терялъ.

Сильная невинность тамъ краснѣть не знаетъ,
Тяжкій дискъ подъемлеть, коня въ цѣль бросаетъ,
Въ нагошъ природной — дружную толпой
Рѣзвится борьбой.

Сердцемъ завладѣли, умъ очаровали!
Кудря на плеча ихъ нерадиво пали,
По высокой груди спелюшся волной,
Дынуть красотой!

Черные глаза ихъ . . . кто имъ не уступитъ?
Будь хоть камнемъ хладнымъ, пламень въ сердце вступишь;
Нѣга, жаръ здоровья, прелестъ ихъ ланишь,
Страстьсю взоръ поминишь.

Ямки втиснулъ въ щечкахъ легкой перстъ Эроса.
Вешнихъ розъ пріятный, слаще свѣпла сопа,
Первымъ поцѣлуемъ прикоснушь къ нимъ —
Юношамъ владымъ.

И изъ всѣхъ Спартанокъ равной нѣтъ Аретъ,
Быстрая какъ еерна, какъ стрѣла въ полѣшъ,
Какъ Діаны Нимфа, нравами чиста —
Дѣва красота.

*

Но мнѣ сердцемъ чуждымъ любить Эвристея;
Я не передамъ ей сладость Гименея,
Ошь береговъ Родоса я за чѣмъ опплылъ?
Тамъ спокоенъ былъ. —

В. Федоровъ.

О Т Р Ы В О К Ъ .

Судьба насмѣшливо играетъ
Дарамъ жизни молодой
И челоуѣка утѣшаетъ
Несбыточныхъ надеждъ мечтой!
Но я умѣрилъ жаръ стремленья
Къ обманчивымъ ея дарамъ.
Трудъ тихій, нѣга наслажденья —
Васъ ни за что я не опдамъ!
Пусть въ общемъ мнѣннхъ клеветшю
Меня поносятъ и чернятъ,
Пусть опъ меня суесть тропшю
Богатштво, почести летятъ!
Но вы, минуты вдохновенья,
Мои мечты, моя любовь, —
Души волнуемой движенья —
Мой не покиньте тихій кровь!
Не разставайшеса со мною!
Моей усердною мольбою
Я такъ молю благихъ боговъ:

Оставьте сердцу въ ушныиень
Немногихъ дружбой дорожишь
И въ ихъ кругу и свѣта мнѣнь,
И свѣтъ лукавый позабышь.

Зайцевскій.

**ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ
НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ,
САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССИЙСКОМУ.**

Молися Богу, Русь Святая!
Свершай шоржеспивенный объшь:
И кровь, и жизнь — за НИКОЛАЯ!
Какъ животворный Божій свѣтъ
Намъ благодатень Царь-надежный. —
Возиель на Тронь . . . и въ прахъ мяжежны,
И адскій умысль открышь. —
Въ младомъ ЦАРЬ — Небесь Содьтель
Всю Въиценосцевъ добродьшель,
Все счастье подданныхъ явишь. —

*

Довѣренность, любовь къ народу,
ЦАРЮ — всѣ души привлекушь;
И позднему пошомковъ роду
Россіяне передадутъ:
„Что НИКОЛАЯ Тронь священный,
Любовью Россевъ осынанный,

Благословишься отъ Творца;
ЕГО оплошь — любовь-прямая,
ЕГО полки — вся Русь-Святая,
ЕГО щиты — сыновъ-сердца.“

*

А шопъ не *Россъ*, кто аду внемлешь:
Мятежнымъ пламенемъ горнись
Его душевна казнь объемлешь;
Ему громами въ слухъ гремишь
Проклятіе изъ рода въ роды;
Онъ — ужасъ Неба! срамъ Природы!!
Страшилище Вселенной всей!
Монархъ! Забудь сихъ жерпвъ-Геены. —
Россіане-прямые — вѣрны:
Привыкли обожать ЦАРЕЙ. —

*

Всходи съ надеждой, Солнце-наше!
ТЕБѢ — въ душахъ отверзть алтарь
Для чадъ ТВОИХЪ, что въ міръ краше,
Какъ ЦАРЬ-Опець, любимый ЦАРЬ? —
Люби, люби насъ Благодатный! —
Намъ жизнь ТЕБѢ вручишь — приятно;
Намъ сладостно — дышашъ ТОВОЙ. —
Мятежныхъ сокрушая выи . . .
Содѣлай — счастье *Россіи*
И Небеса утѣшь — СОБОЙ. —

Степанъ Вискаватовъ.

Сочинишель имѣлъ счастье получить Высочайшее благоволеніе ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, и Всемилоствѣйше награжденъ бриліаншовымъ перстнемъ. В.

НА 15-Е ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА.

Куда текутъ толпы народа
Съ надеждой, радостью въ очахъ?
Или съ небснаго къ намъ свода
Слетѣлъ утѣшишь насъ въ бѣдахъ.
Посланникъ Бога свѣтлоокій!
Изчезни скорьби мракъ глубокій!
Украйся свѣшлымъ поржешивомъ.
Россія! славою блистая!
Ты зришь на Тронъ НИКОЛАЯ —
Твой АЛЕКСАНДРЪ воскреснетъ въ Немъ!
Въ Немъ тажъ любовь къ тебѣ пылаешь;
Въ Немъ той же благостью сіяешь
Величественно-крошкій видъ;
Въ Немъ сердце Руское горитъ!
Храни ЕГО міровъ Содѣшель,
Содѣлай образцомъ Царей!
Пусть ОНЪ, народовъ благодѣшель,
Дѣлами, мудростью Своей,
Какъ АЛЕКСАНДРЪ, свой вѣкъ прославишь;
Какъ АЛЕКСАНДРЪ, пусть ОНЪ поставишь
Россію — силой страхъ враговъ,
Устройшивомъ диво всѣхъ вѣковъ!

К. Коралловъ.

МОРНА.

У шумнаго ручья при мшистомъ дуба корнь,
Подъ Дюкомаровымъ палъ Каипбашъ мечемъ,
И гордый Дюкомаръ, вступаа съ торжешвомъ
Въ пещеру Турскую, въщаль прекрасной Морнѣ:
— Почто, Кармака дщерь, краснѣйшая изъ дѣвъ,
Сидишь, уединясь, въ разсѣдинѣ кремнистой?
Съ печальной помносною журчинѣ источникъ чистой;
Разносишь буйный вътрѣ спенаніе деревь;
Нахмурясь, озеро вздымается волнами,
И небо мрачнымъ одѣно облаками.
Но ты бла, какъ снѣгъ на высь горы;
И волосы твои, какъ легкіе пары,
Когда озарены послѣдними лучами,
Надъ гордой Кромлою висятъ они кудрями;
И грудь прелестная подобно двумъ холмамъ,
Близъ ясныхъ бранна струй являешся очамъ. —

„Отколѣ ты пришекъ“ (прекрасная въщашъ)
„Отколѣ ты пришекъ, мрачнѣйшій изъ людей?
Ужасенъ видъ твоихъ нахмуренныхъ бровей
И пламень гибельный въ очахъ твоихъ сіяешъ:
Или уже Сваранъ прошекъ снѣзи морей
И грозный Дюкомаръ несешъ пзвѣсье браней?“
— О Морна! я нисшелъ съ крунаго холма ланей.
Трикрашы гибкій лукъ звенѣлъ въ рукъ моихъ;
Три лани легкими постигнушь спрѣлами
И три изловлены еще моими псами.
О дщерь Кармакова! давно мнѣ видъ твой милъ;
Оменя юнаго тебѣ я въ даръ сразилъ:
Много-въшенепыми онъ красился рогами,
И вихорь обгонялъ проворными ногами:

„Суровый юноша, я не люблю тебя!

Для дѣвы черныхъ глазъ пивонхъ ужасенъ пламень,
И сердце лютое въ груди пвоей какъ камень.

А ты Тармановъ сынъ, прелесный Каитбатъ,
Къ тебѣ любви моея желанія лепишь;

Ты мнѣ любезнѣе, чѣмъ солнце золотое,

Когда прогнавъ грозу, въ щоржешивенномъ покоѣ

Оно являешся на шверди голубой.

Скажи, не встрѣтился ль съ тобою ратникъ мой?

Здѣсь Морна ждешъ его желаннаго возврата.“

— И долго Морнѣ ждаты младаго Каитбата!

Ужъ спалъ мой въ его обагрена крови;

Близъ Бранскихъ спруй его рука моя сразила;

На Кромлѣ выпязю воздвигнешся могила.

Но, другъ! не презирай моея къ тебѣ любви:

Сильна моя рука, какъ въперъ Оксана. —

„И такъ ужъ нѣтъ тебя, прекрасный сынъ Тормана?“

И Морны ясный взоръ наполнился слезой.

И такъ уже погибъ, любезный ратникъ мой?

Любилъ предшествовать ны звѣроловцамъ горнымъ,

Враждебнымъ прищлецамъ былъ спрашенъ пвоей ударъ,

И ты его сразилъ, свирѣпый Дюкомарь!

Злодѣй, ты навсегда разрушилъ счастье Морны.

Но жалься надо мной: вручи мнѣ спалъ пвоею,

Да кровь любезную слезами оболью.“

И, пронувшій ея мольбою и слезами,

Онъ подаетъ ей мечъ, и дѣва съ щоржешивомъ

Пронзаешъ грудь его холоднымъ остріемъ.

Какъ камень опъ горы опшоргнушый громами

Онъ палъ и руки къ ней дрожащія проспери.

— О Морна! смертный мракъ уже покрылъ мой взоръ:

Я чувствую въ груди жесшокій холодъ спали.

Опдай, опдай мой прахъ Морнѣ молодой;

Меня ей одного мечтѣ изображали,
Она высокій гробъ воздвигнешъ надо мной,
Ловець его узришь и вознесешъ хвалою,
Но, дѣва юная, почувствуй сожалѣнье:
Ужъ лѣтся по костямъ моимъ оледѣненье;
Теки на помощь мнѣ, прекрасная, теки,
И спаль кровавую изъ груди извлеки. —

Она приблизилась и слезы проливаетъ,
И спаль кровавую изъ груди извлекаетъ:
Но грозный Дюкомаръ, собравъ остатокъ силъ,
Схватилъ поспѣшно мечъ и грудь ея пронзилъ.
Она падетъ, какъ цвѣтъ исторгнутый грозою,
Прекрасные волосы расплались по землѣ,
И дѣвственна кровь багряною струёю
Бѣжитъ по раменамъ блестящимъ близною,
И блѣдность помная явилась на челъ;
Пещера смертное узрѣла содроганье
И камени повторилъ последнее степенанье.

Загорскій.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ,

ИЗДАВАЕМЫЯ
А. Воейковымъ.
МАРТЪ, 1826.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРОЗА.	Стр.
Рѣчь въ день рожденія въ Бозѣ почивающаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА	105.
Рѣчь, по случаю присяги ГОСУДАРЮ ИМПЕ- РАТОРУ НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ, Само- держцу Всероссийскому	107.
Лара, пѣснь первая. (Изъ Лорда Байрона.)	110.
СТИХОТВОРЕНІЯ.	
Чувствованія четырнадцати-лѣтняго Россія- нина при гробѣ Монарха АЛЕКСАНДРА I-го	134.
Эклога VI. (Изъ Виргилія)	135.
Генераль-Адъютанту А. Х. Бенкендорфу	139.
Прогулка по Невѣ	140.
Гибель Персидской Арміи въ пустыняхъ Ли- війскихъ. (Изъ Делля)	142.
Къ Делю	146.
Оставленное жилище, Элегія. (Изъ Мильоуа)	147.
Незабвенной, Элегія	149.
Элегія	150.
Эпиграмы	151.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Печашано въ Военной Типографіи.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

МАРТЪ, 1826.

П Р О З А.

Р Ъ Ч Ъ.

По случаю панихиды, совершенной въ 12-й день Декабря 1825 года, въ день рожденія ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА, — Священникомъ и Кавалеромъ Иоанномъ Гавриловымъ.

Россіяне! Почти полвѣка мы въ сей день проливали усердныя молишвы предъ Престоломъ Всевышняго о здравіи и благоденствіи нашего крошкато Ангела, Благочестивѣйшаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА; — а нынѣ, какая перемѣна! . . . Молимся объ успокоеніи души Его! — Сей день, былъ днемъ радости, удовольствія, пріятныхъ ожиданій Россіянь; сей же самый день, есть день печали, сѣшванія, горешныхъ воспоминаній!

Какъ не воскликнушь намъ послѣ сего со гласомъ святой Церкви, кая жишейская сладость, пребы-
Кн. ХУ.

ваешь печали не причастна? — кая ли слава стоишь на землѣ непреложна! — вся съни немощнѣйша! — вся соній прелестнѣйша! — Жизнь наша, какъ цвѣтъ опцвѣшаешь. — Какъ утренняя роса изсыхаетъ. — Какъ шрава пожинаетъся.

Гдѣ шеперь благолѣпная доброта Монарха АЛЕКСАНДРА, которая шолко восхищала насъ? — Увяла, какъ сельный кринь! — гдѣ крѣпость силъ Его, которая обѣщала намъ долгоденственное царшвованіе? — болѣзни сокрушили ихъ! — гдѣ ясныя очи, которыхъ каждый взоръ ловили мы? — онѣ угасли, какъ гаснешъ вечерняя заря! гдѣ руки, которыхъ шворили милость? — хладная смерть связала ихъ! — гдѣ уста, износившія похвалу и одобреніе вѣрноподаннымъ Своимъ? — мершвенное молчаніе запечашлѣло ихъ! — гдѣ шопъ Монархъ, который изливая щедроты Свои на народъ свой, изливаль ихъ на цѣлую Европу, шворя судъ и правду, — котораго Господь посшавиль владѣши сердцами людей? — смерть, — смерть опъяла Его опъ насъ!

Но истинная любовь наша, которую мы пламенили къ Монарху, въ Бозѣ почившему, можешь ли умереть съ Нимъ? — О, нѣшь, — нѣшь, Россіане. — Истинная любовь никогда не умерцвлетъся! — мы посшавимъ Ему въ сердцахъ своихъ въ жершву признательности нашей алшари, — пошомство созидешъ Ему памятники, — пѣвцы на лирахъ изъ рода въ родъ прославяшь славу Его и дѣла.

Господь послалъ намъ Ангела крошоспи, — и
ошьяль его. — Да будешь Святая Воля Его надъ
нами.

Да будешь благословенно имя Монарха АЛЕ-
КСАНДРА! — вѣчная память Монарху АЛЕ-
КСАНДРУ! — въ сей день Святая церковь возгла-
шала Ему долгоденшвіе; — но ошнынъ навсегда
будешь возглашашь сей плачевный гласъ: *въгна
память Монарху АЛЕКСАНДРУ Первому!*

Р ъ ч ъ .

*Произнесенная по слугаю присяги ЕГО ИМПЕРА-
ТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ НИКОЛАЮ ПАВЛО-
ВИЧУ — Декабря 14-го дня 1825 года Священ-
никомъ и Кавалеромъ Іоанномъ Гавриловымъ.*

Благословенное отечество, Россія! какой непо-
дражаемый примѣръ великодушія представляешь ты
намъ въ двухъ Августѣйшихъ Брашійхъ! —

Не слава, не достоинство, не власть, не почести
ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА прельщаютъ Ихъ,
но истинная любовь къ отечеству производить въ
Нихъ неслыханный досель споръ!

Проснись! — Возстань! — Возстань крошкѣй Ан-
гель, Великодушный Монархъ нашъ АЛЕКСАНДРЪ!
Воззри на великодушную борьбу Твоихъ единокров-
ныхъ Брашій! — Они доспойны Тебя! — Воззри,

какъ миръ, любовь, согласіе вѣнчаютъ Ихъ главы, лавровыми, и никогда неувядаемыми вѣнками! —

Красуйся, Сердобольная и Великая Мать, Благочестивѣйшая ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА МАРІА, Твоими рѣдкими Сынами! — Мы обрѣшаемъ въ Нихъ такую примѣръ великодушія, какой не видѣнь былъ ни въ одной странѣ свѣта.

Приникни ошь небесъ, Премудрая ЕКАТЕРИНА! проспри Свой долу взоръ, Великій ПЕТРЪ, возри на Твоихъ Попомковъ! — обрѣшали ли Вы когда въ какомъ народѣ такой неизьяснимый примѣръ любви къ отечеству и праву первородства? —

Августѣйшій Монархъ нашъ НИКОЛАЙ, при первомъ горестномъ извѣстїи о кончинѣ въ Бозѣ почившаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА, приѣмлетъ цѣлованіе живошворящаго Креста, Приѣмлетъ присягу вѣрности Спарѣйшему Брату, Цесаревичу и Великому Князю КОНСТАНТИНУ ПАВЛОВИЧУ. Его Императорское Высочество Цесаревичъ и Великій Князь КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ возвращаетъ Ему Его Великое Слово, и приѣмлетъ Самъ цѣлованіе живошворящаго Креста Господня въ знакъ вѣрности Своей ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, ГОСУДАРИЮ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ. —

Мы ли, Россіяне! — мы ли, послѣ сего не будемъ въ знакъ вѣрноподданической покорности нашей лобзашъ Святое Слово Евангелія и живошворящій Крестъ Господень Тому Великодушному, единственному

Монарху, который показываешь Собою первый повиновение къ священнѣйшимъ правамъ и Богу! — Да не будешь! — Да не будешь! Мы всегда, въ теплыхъ молишвахъ нашихъ, воздѣвая руки къ Небесамъ, будемъ умолять Всевышняго: Господи, спаси Царя! — Господи, спаси Царя, и услыши ны, въ оныя же аще день призовемъ Тя! —

Мы возкликали прежде: да здравствуешь КОНСТАНТИНЪ!.... Но Онъ не пріялъ привѣтствій и желаній ни Августѣйшаго Браша, ни народа; Онъ жадаешь пребыть вѣрнымъ Своему слову, вѣрнымъ Своему отреченію, данному въ Бозѣ почившему Монарху. —

Воскликнемъ же, Россіяне! да здравствуешь нашъ Великій, несравненный, Благочестивѣйшій ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ, — да здравствуешь! —

Да здравствуешь и Августѣйшій Наслѣдникъ Россійскаго Престола, Его Императорское Высочество, Великій Князь АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ, — да здравствуешь!

Да здравствуешь и весь Августѣйшій Домъ ИХЪ, да здравствуешь! — да здравствуешь!

Л А Р А .

(Изъ Лорда Байрона.)

Отрывистая и неудовлетворительная развязка *Корсара* печальнѣе воображеніе; можно полагать, что *Лара*, Герой сей новой Поэмы — есть *Конрадъ*, возвратившійся въ отечество. Можно догадываться, что вѣрный пажъ есть переодѣтая *Гюльнара*, коей Корсаръ обязанъ своимъ освобожденіемъ.

Пѣснь первая.

I.

Васаллы благоденствуютъ въ обширныхъ помѣстьяхъ *Лары*, и подвласные ему поселяне съ восторгомъ ожидаютъ опъ него защиты опъ притѣсненій. Сей владѣлецъ, послѣ долгаго, произвольнаго изгнанія, возвратился въ отчизну тогда, какъ его уже совсѣмъ не ожидали, однако не забыли. Въ его замкѣ радость ожила на всѣхъ лицахъ; по столамъ разставлены чаши; флаги развѣваются на башняхъ; гостепріимный пламень играетъ на раскрашенныхъ тысячу яркими цвѣтами стеклахъ; вокругъ очага подпяса гостини и даютъ волю лишью шумному краснорѣчію.

II.

И такъ, владѣлецъ *Лара* возвратился! За чѣмъ переплывалъ онъ моря? Умирающій отецъ его оставилъ его на произволъ судьбы въ шакихъ лѣтахъ, когда рѣдкіе чувствуютъ великость своей потери; гибельное наследство, опасная воля, копорую чловѣкъ весьма часто употребляетъ во зло и разрушаетъ спокойствіе сердца! Безъ руководителя,

имѣя мало друзей для указанія ему дороги и удержанія на скользкомъ склонѣ, ведущемъ къ пороку, въ пылкихъ лѣтахъ юношества, когда всего нужнѣе повиноваться, *Лара* повелѣвалъ другими.

III.

Еще въ молодости онъ оставилъ обитель своихъ предковъ, и со дня разлуки никто не вѣдалъ объ его мѣстопребываніи. „Отець умеръ, а сынъ въ отсутствіи:“ вошь все, что говорили, что знали о немъ Васаллы. *Лара* не являлся и не присылалъ о себѣ никакого извѣстія. Одни переспали о немъ думашь; другіе терялись въ разныхъ предположеніяхъ. Его имя умолкло въ его замкѣ; поршрешъ почернѣлъ въ закопшѣлыхъ отъ дыма рамахъ; сосѣдь его успокоилъ поску его невѣшны; молодые начали забывать его, а старыхъ не было уже на свѣшѣ. Живъ ли онъ? вскрикиваешъ неперпѣливый наслѣдникъ, гошовый надѣшъ шрауръ, который не суждено ему носить по немъ. Шо ржавыхъ щиповъ развѣшены по стѣнамъ его замка: не досшаешъ одного, коимъ охотно желали бы украсишь сей Гопическій профей.

IV.

Наконецъ, онъ возвратился совсѣмъ нечаянно; откуда? никому неизвѣстно; за чѣмъ? не нужно угадывашъ. Не возвращеніе, а долгое отсутствіе его удивительно. Всю прислугу его сосшавлялъ одинъ молодой пажъ, по видимому иностранецъ.

Годы лешашъ для странника шель же быстро, какъ и для домошда. Но недоешашокъ извѣстнѣй

изъ далекихъ странъ, ошкоть прибыль *Лара*, кажешся, замедлиль полешъ времени; его видяшь, узнаюшь; однако жъ настоящее кажешся сомнительнымъ, а минувшее сномъ. Онъ живъ, онъ еще въ возрастъ мужесива, хопя лъща и пруды измънили чершы лица его.

Какъ бы ни были велики просшупки бурной его молодосши, но различныя приключенія жизни его могли изгладить ихъ изъ памяти. Давно не слыхали о немъ ничего ни худаго, ни добраго; онъ могъ поддержашь славу своего рода.

Нъкогда его душа напыщена была гордынею; но просшупки его — просшупки молодаго челоуька, алчущаго наслажденій, и если онъ здъсь ошановилса, надобно просшишь ихъ, не муча его укоризнами.

V.

Какъ перемънился *Лара*! Съ перваго взгляда видно, чшо онъ не шо, чъмъ былъ прежде. Сшрасши избраздили морщинами бровисное чело его. Въ немъ замъшна гордосшь, а не пылкосшь молодосши, холодносшь и равнодушіе къ похвалямъ, гордая походка и быспрый глазъ, кошорый однимъ взглядомъ ошгадываетъ мысль другаго. Языкъ его былъ легокъ и насмъшливъ, острое оружіе людей, расшерзанныхъ свъшомъ, оружіе, удары коего, будучи наносимы съ видомъ пришворной веселосши, не дозволяюшь даже раненымъ и жаловашься. Все, эшо нашли въ *Ларь* его знакомые, и еверхъ шого замъ-

шили что-то такое, чего ни взоръ, ни голосъ его
открышь не хотѣли.

Казалось, что для честолюбія, славы, любви,
для цѣли, къ которой все спремается и рѣдкіе
достигающъ, входъ былъ запертъ въ его сердце;
но это съ недавняго времени, ибо глубокое, по-
таенное чувство, которое вообще хотѣли бы вы
проникнуть, иногда на мигъ являясь на блѣдномъ
челѣ его, измѣняло ему.

VI.

Онъ не любилъ, чтобы его спрашивали о про-
шедшемъ; не рассказывалъ о чудесахъ дикихъ пу-
стынь, видѣнныхъ въ его странствованіяхъ по от-
даленнымъ странамъ свѣта; напрошивъ любилъ
закрывать все какою-то завѣсою неизвѣстности;
щещно любопытные вопрошали взоры его, щещно
спарались вывѣдать что-нибудь охъ его спутника.
Лара хитро избѣгалъ разговоры о видѣнныхъ имъ
предметахъ, подъ предлогомъ того, что они не
любопытны для чужеземнаго посѣщителя. Если же
кто насмѣятельно его объ-этомъ спрашивалъ: то
чело его помрачалось и языкъ дѣлался молчаливѣе.

VII.

Его домашніе были искренне обрадованы его воз-
вращеніемъ; попомокъ старинной фамиліи, обладавъ
многочисленныхъ Васалловъ, онъ посѣщалъ окру-
жныхъ помѣщиковъ, присуществовалъ на каруселяхъ,
играхъ и праздникахъ, но только проснымъ зрише-
лемъ ихъ скуки и веселости и не раздѣля съ ними

ни шой, ни другой. Онъ не гонялся, подобно своимъ сосѣдямъ, ослѣпленнымъ всегда обманчивою, однако же всегда обольщающею ихъ надеждою, ни за дымомъ почестей, ни за золошомъ, менѣ мечшательнымъ, ни за ласками красавиць, ни за гнѣвомъ соперника.

Онъ очершилъ вокругъ себя шаиншвенный кругъ, кошорый опдѣлялъ его отъ людей и препяшествовалъ имъ подходить къ нему. Суровый взглядъ его держалъ легкомысленныхъ въ почшишельномъ разсояніи. Робкіе, близко его издавшіе, наблюдали его безмолвно, или сообщали другъ другу свои опасенія шепотомъ; маленькое число шѣхъ, кошорые были умнѣ другихъ и показывали ему пріязнь, создавались, что нашли его гораздо лучшимъ, нежели какъ видъ его показывалъ.

VIII.

Какая чудная перемѣна! въ молодости своей эпошъ человекъ былъ весь движеніе, весь жизнь! спрасшнный къ удовольствіямъ, влюбленный въ бишвы, попеременно шоржесшествовавшій на полѣ чесши, на Океанѣ, вездѣ, гдѣ могъ встрѣишиться съ опасностью или наслажденіемъ; онъ все вкусилъ, исчерпалъ всѣ источники счастья и бѣдшвій; былъ врагъ жеманной умѣренности, и жаромъ своихъ чувшвованій хопѣлъ ускользнуть отъ собшвенныхъ размышлений! Бури его сердца дерзко вызывали на бой бури сшихій . . . рабъ всѣхъ необузданныхъ спрасшей, какъ пробудился онъ отъ своихъ чудныхъ снови-

двѣй? Увы! онъ эшимъ не хвалился; но, безъ сомнѣнія, проклинаешь свое увядшее сердце, кошорое ошреклось спознавашься съ сладкими муками!

IX.

Казалось, что книги возбуждали больше его вниманіе; до шѣхъ поръ, онъ читалъ одну книгу — и эша книга называлась — *геловлькъ*. Часшо, въ припадкѣ своенравія, онъ запирался отъ людей: и шогда, жишелямъ замка, рѣдко имѣвшимъ съ нимъ сношенія, казалось, будшо онъ скорыми шагами расхаживаешь по галлерей, въ кошорой стѣны увѣшаны были старинными поршрешами его предковъ; имъ слышался (объ эшомъ говорили за шайну) звукъ голоса, кошорый не былъ ни его, ни другаго какаго земнаго жишеля. „Да, смѣйшесь, говорили его домашніе; мы не можемъ дать вамъ ошчеша въ шомъ, что мы видѣли; но можемъ увѣришь, что видѣли нѣчто сверхъестественное. За чѣмъ усшремляешь онъ неподвижные взоры на черепъ, свяшошашскими руками вырышый изъ могилы и стоящій подлѣ его книги, какъ будшо бы для шога, чтошбъ усшрашашъ и ошгоняшъ отъ нее каждаго пошпороняго человека? За чѣмъ бодрешвуешь онъ шогда, когда всѣ спяшъ? За чѣмъ не слушаешь музыки и не принимаешь гостей? Все эшо не похвально; однако же, само по себѣ и не предосудительно. Нѣкошорые конечно знали его шайну; но его повѣсть объ его приключеніяхъ должна бышь очень длинна; и они по благо разумію и скромности выдавали свое удосшовѣреніе

за темныя догадки. Впрочемъ, если бы они рѣшились говорить, то конечно могли бы открыть истину.“ Такъ разговаривали между собою Васалли въ замкѣ *Лары*.

X.

Ночь: рѣка не колыхнешь, однако же вода ея мало по малу ушекаетъ, какъ счастье; чистое стекло водъ ея, какъ въ волшебной каршинѣ, изображаетъ вѣчныя звѣзды небеснаго свода; берега ея украшены зелеными деревьями и прелестнѣйшими цвѣтами, на коихъ когда-либо пчела ошдыхала; они не уступили бы въ красотѣ цвѣтамъ, изъ копорыхъ младенецъ-Діана плела гирлянды, и Невинность съ восшоргомъ поднесла бы ихъ въ подарокъ Любви. Вода шеряется въ каналахъ, извивающихся, чешуящихся, какъ змѣя; на землѣ и въ воздухѣ все было столь ясно и тихо, что призракъ не испугалъ бы гуляющихъ: казалось, невозможно, нечиспому духу поселиться въ эпомъ живописномъ мѣстѣ. Въ сію прекрасную ночь одни добрые могли искашь здѣсь наслажденій; шакъ мыслилъ *Лара*, поспѣшая ошъ сихъ очаровашельныхъ береговъ къ своему замку. Его душа не расположена была любовашься видами, кои напоминали ему о другихъ временахъ, о небѣ яснѣйшемъ, о звѣздахъ лучезарнѣйшихъ, о ночахъ сладчайшихъ и не столь рѣдкихъ, и о сердцахъ, копорыя нынѣ... Нышъ, нышъ! завываніе бури не приведешъ его въ смяшеніе; но шакая роскошная

ночь есть оскорбительная насмѣшка надъ его спра-
жающимъ сердцемъ.

XI.

Большими шагами расхаживаетъ онъ по уединен-
нымъ комнамамъ; его великанская пѣнь ходитъ съ
нимъ рядомъ вдоль по стѣнамъ, увѣшаннымъ спа-
ринными поршрешами. Сии поршрешы, шемное пре-
даніе, гробовые склепы, гдѣ покоятся ихъ шѣла,
слабоспи и пороки, родословное дерево съ пышнымъ
начершаніемъ ихъ лѣшъ, въ кошоромъ исторія рас-
почаешь хвалы и порицанія, и нерѣдко ложь вы-
даешь за истину: вошь все, что уцѣлѣло отъ ихъ
пороковъ и добродѣтелей.

Луна, проникая сквозь шускляя стекла, лучами
своими освѣщаетъ каменный помосць, высокіе своды
и грубыя изваянія свяшыхъ Угодниковъ, посшавлен-
ныхъ на Гошическихъ окнахъ. *Лара* прогуливается
въ задумчивосши; его гуспыя локоны, черныя брови,
движеніе развѣвающихся на головѣ перьевъ: все
даешь ему видъ пришельца изъ могилы, или при-
видѣнія.

XII.

Полночь: все спитъ; сомнительный свѣтъ лампы,
кажется, не хопя брежитъ въ глубокомъ мракѣ.
Глухой шумъ слышался въ замкѣ; эшо крикъ, мо-
лящій о помощи, прощажный крикъ — и все опять
замолкло; слуги *Лары* пробудились, встревожились,
бѣгутъ въ шо мѣсто, куда зовешъ ихъ голосъ; въ
рукахъ у каждаго полугорящій свѣшильникъ и обна-

женный мечъ: въ смященіи, опрометчивости, они забыли опоясать ножны.

XIII.

Они нашли *Лару*, распросершого на мраморномъ полу и блѣднаго, какъ лучъ мѣсяца, падающій на лице его; его до полножень вынужая сабля свидѣтельствуетъ о какой-то сверхъестественной опасности. Онъ не шевелитъ швердоспи, или не шевелитъ ее до сей минуты; нахмуренныя брови показываютъ бѣшенство; нечувствительный, незнающій испуга, приведшаго уша его въ судорожное движеніе, онъ алчетъ крови; невнятные угрозы и проклятія гордаго опчаянія, казалось, замерли на устахъ его; глаза его полузакрыты; но изъ подъ густыхъ вѣждей его сверкаетъ еще свирѣпый взглядъ воина, какъ бы неподвижный въ ужасномъ спокойствіи.

Его подняли, перенесли: молчаніе! „Онъ дышетъ, онъ промолвилъ: краска выступила на смуглыя щеки его; на устахъ показался румянецъ; глазъ его, еще опуханенный, кругомъ перекашивается, и члены, мало по малу освобождающагося отъ оцѣпененія, онъ произноситъ какіе-то несвязные звуки; однако, это не языкъ его опечества; легко распознаешь, что это звуки другаго климаша, какъ будто бы онъ обращается къ такой особѣ, до слуха кошпорой, увы! не достигаешь голосъ смершнаго.

XIV.

Прибѣжалъ его Пажъ; онъ одинъ понимаетъ слова его. Онъ перемѣнился въ лицѣ; это доказываетъ,

что *Лара* не желаетъ, чтобы слова его понималъ кто-нибудь, а *Пажъ* ни за что въ свѣстѣ не согласился располковать ихъ. Положеніе господина его беспокоитъ его меньше, нежели другихъ домашнихъ; онъ склоняется на шѣло *Лары* и говоритъ ему на языкѣ, кошорый можно почестъ его природнымъ; *Лара* внемлетъ — и слова *Пажа* успокоивающъ его чувства, спрaшно въспревоженныея сновидѣніемъ. Но сонная ли мечта споль шяжко удручаетъ его сердце? Увы! для него довольно бѣдспвій суцесшвенныхъ!

XV.

Во снѣ ли, или на-яву, видѣлъ онъ предметъ, споль сильно попрясшій душу *Лары*: это тайна, глубоко погребенная въ его сердце. Онъ помнитъ о немъ; но никогда никому не ошкроетъ.

Занялась заря — и возвратила бодрость изнуренному его шѣлу. Онъ не призываетъ врача, и скоро, всегда посшоянный въ словахъ и дѣйствіяхъ, возвращаешь къ сврему обыкновенному времяпровожденію. Улыбка споль же рѣдко посщаетъ уста его; чело не сдѣлалось угрюмѣе; приближеніе ночи нѣсколько беспокоитъ *Лару*, но онъ щцашельно скрываетъ сіе ошъ своихъ изумленныхъ *Васалловъ*, коихъ испугъ не шакъ скоро разсѣялся.

Его боязливые служители ходящъ всегда по-двое (не доспаетъ духа пройши одному); не смѣющъ приближашься къ бѣдспвенной галлерей. Флагъ, развѣвающийся въ воздухѣ, спукъ двери, шумъ обоель, эхо шаговъ, длинныя шѣни окружныхъ деревьевъ,

пролѣтъ лешучей мыши, свистъ вѣпра: все, что они видяшъ, все, что слышашъ, пугашъ ихъ, и шѣмъ больше, чѣмъ чернѣе завѣса, которую ночь развѣшивашъ на сѣрыхъ стѣнахъ замка.

XVI.

Тщешныя опасенія! . . . сей часъ ужаса, котораго причина недовѣдома, не возвращался, или *Лара* пришворился, будто бы позабылъ о немъ: это, не уменьша ихъ страха, усугубило удивленіе Васалловъ. И такъ, видно, что приходя въ чувствва, онъ пошерялъ память о случившемся: ибо ни одно слово, ни одинъ взоръ, ни одно движеніе ихъ повелѣшеля не измѣнило передъ ними чувствованія, которое бы напомнило поску и бредъ души его. Но сонъ ли это? Его ли усна произносили слова на языкѣ чуждомъ? Его ли вопли разбудили ихъ и встревовили? Его ли смѣсенное сердце перестало бишься и блуждающія очи ихъ испугали? Могъ ли онъ забышь муки, онъ коихъ пошоронніе свидѣшели еще прешешали? Не доказывашъ ли его молчаніе того, что въ памяти *Лары* (если нужно объяснишь сей случай словами) было глубоко врѣзано одно изъ шпаншвѣвъ, кошорыя раздирають сердце, но не могутъ облегчиль его? *Лара* сокрылъ въ своемъ и дѣйшвѣіи и причины. Прешые наблюдатели не въ силахъ были слѣдовашъ за ходомъ его мыслей, коимъ языкъ смершнаго изрѣдка и до половины измѣня, въ пошъ же мигъ ошпанавливашся.

XVII.

Лара соединяла въ себѣ неизъяснимую смѣсь все, что возбуждаетъ любовь, ненависть, привязанность, или отчужденіе.

Неясное мнѣніе объ его таинственной жизни привязывало къ его имени хвалу, или презрѣніе; его молчаніе служило пищею для разговоровъ цѣлаго округа; дѣлали предположенія, изъяснялись о немъ, какъ о чудѣ; старали любопытствомъ проникнуть въ его сокровенный жребій. Чѣмъ былъ онъ? Чшо такое сей неизвѣстный человѣкъ, о кошоромъ, кромѣ того, что онъ знатнаго рода, никшо ничего не вѣдаешь, хопя и окружень онъ Васаллами? не ненавистникъ ли онъ рода человѣческаго? Однако же нѣкоторыя увѣряли, что видали чело его прояснившимся; но вмѣстѣ съ тѣмъ признавались, что улыбка его, если посмотришь на нее ближе и пристальнѣе, не показывала ошкровенности и походила на насмѣшку; или, если улыбка блискала на устахъ, шо единственно на устахъ его — и напрасно спали бы мы искать въ глазахъ его веселости, кошорую хопѣлъ онъ прищворно выказашъ. Улыбка никогда, вполне не озаряла мрачнаго лица его. Иногда, хопя весьма рѣдко, взоръ *Лары* становился нѣжнѣе, какъ будто бы природа не создала его съ черствымъ сердцемъ; но скоро душа его опряхала слабость, недостойную ни ея самой, ни его гордыни, и облекалась въ прежнюю суровость, какъ будто бы спыдаясь мягкосердечіемъ выкупишь сомнѣніе на счетъ

поколебаннаго уваженія къ нему людей. Не уже ли эшо было нѣкошораго рода наказаніе для его сердца за чувствившельность, разрушившую покой его? Или, не хопѣлъ ли онъ печальное, шревожное сердце заставишь ненавидѣшь за шо, чшо оно нѣкогда шпрасшно любило?

XVIII.

Какъ будшо бы испышавъ уже всѣ могущія бышь худыя послѣдствія, *Лара* обнаруживаль ко всему поспоянное презрѣніе. Онъ былъ пришлецомъ на земль, какъ нѣкій спраншвующій духъ, изгнанный изъ другаго міра. Одаренный мрачнымъ воображеніемъ, онъ добровольно создалъ для себя опасности, опъ коихъ избѣжалъ случайно: воспоминаніе о нихъ было для его души источникомъ шоржештва и печали.

Ощущая въ себѣ шакую силу любвиць, какая не даешся обыкновеннымъ людямъ, онъ рано создалъ себѣ мечшательную добродѣшель, кошорой осуществишь нѣшь возможности; за обольщеннымъ юношешвомъ его наспушило бурное молодечество. Опъ годовъ, кошорые издержаль онъ гоняясь за призракомъ, и опъ упошребленія во зло душевныхъ способностей, данныхъ ему для лучшей цѣли, оспалось ему одно позднее сожалѣніе. Пылкія спрасши, имъ овладѣвшія, посяяли гибель по слѣдамъ его и оспавили добрымъ его чувствшваніямъ одну внушреннюю шревогу и мучишельныя размышленія — слѣдшвіе бурной жизни. Но упрямо гордый и медленный къ оспужденію самого себя, онъ половину худаго ошно-

силъ къ Природѣ и во всѣхъ своихъ поступкахъ обвинялъ немощную плоть свою, шемницу души во время жизни и пищу червей послѣ смерти; наконецъ, въ безумныхъ своихъ умствованияхъ, смѣшалъ и добро и зло — и произвольныя свои дѣйствія приписалъ неизбѣжному року.

Изъ гордости не хотѣлъ онъ быть себялюбцемъ, какъ простые смертные, и въ случаѣ надобности жертвовалъ собою благу другихъ. Жалось ли это была, или должность? Нѣтъ, это происходило отъ превращаго и смѣшаннаго о вещахъ понятія: гордость бросала его въ опасности, на которыя весьма рѣдкіе люди дерзають. Въ другую пору поже самое побужденіе заставляло его совершать злодѣйства: не разбирая ни добра, ни зла, онъ жадно ловилъ случай опличиться отъ подобныхъ себѣ. Слѣдуя внушеніямъ ненависти къ людямъ, злой умъ его создалъ ему протѣвнѣ сего міра и въ странахъ, имъ самимъ избранныхъ. Тамъ, въ холодныхъ размышленіяхъ, кровь его, казалось, тише обращалась въ его жилахъ. Счастливъ, если бы злодѣйство никогда не воспалало оной! счастливъ, если бы цѣлую жизнь оледенѣлая душа его сохранила свою холодность!

Впрочемъ, онъ шелъ одною дорогою со всеми другими людьми; по наружности говорилъ и дѣйствовалъ, какъ они, и не ошущалъ ни на шагъ отъ здраваго разсудка. Его заблужденія были заблужденія сердца, а не ума; рѣдко сбивался онъ въ разгово-

рахъ, и никогда не открывалъ глубину души своей, боясь возбудить противъ себя негодованіе.

XIX.

Не смотря на холодное и скрытное обращеніе, не смотря на то, что онъ находилъ удовольствіе быть загадкою — онъ зналъ искусство заставить привязать къ себѣ.

Это искусство не было ни любовь, ни ненависть; можешь быть даже, что для него нѣтъ слова; но для тѣхъ, которые разъ его видѣли, онъ оставался незабвеннымъ. Какъ бы ни были поверхностны и легки слова его; но слышавшіе ихъ долго о нихъ размышляли. Онъ вкрадывался въ душу и оставлялъ въ ней или пріязнь, или ненависть: но никто не могъ объяснить, какъ это сдѣлалось. И привязанность, и отвращеніе отъ него были всегда продолжительны: Для васъ заперта осталась душа его, а онъ скрытыми путями проникнулъ уже въ вашу. Онъ безпрестанно мечтался тѣмъ, кто зналъ его; невольно дѣлался занимательнымъ; напрасно хотѣли бы вы изгнать изъ души своей его образъ; хитрый умъ его глубоко вѣзалъ его.

XX.

Отонъ въ замкѣ своемъ давалъ пирь, на который были приглашены дамы, рыцари и всѣ богатые и знатные окружные владѣльцы.

И *Лара* прибыла вмѣстѣ съ другими.

Собраніе было многочисленно, комнаты ярко освѣщены, — и гости расхаживали туда и сюда, ожидая открытія бала и великолѣпнаго ужина.

Танцующія красавицы привлекали къ себѣ сладкими чарами красоты и гармоніи: счастливы неопытныя сердца, которыя въ пляскѣ бьются близко къ сердцу, и спрассныя руки, переплешенныя съ руками, по ихъ собсвенному выбору! Такое зрѣлище проясняетъ угрюмое чело, развеселяетъ старика, и заставляетъ мечтать молодость, которая въ упоеніи шумной радости гогова забытъ, что она на землѣ.

XXI.

Лара весело и спокойно смотрѣлъ на веселящихся: лице его скрывало печаль души. Онъ слѣдовалъ глазами за шанцовщицами, любовался ихъ прелестными шѣлдвиженіями и воздушною легкостью ногъ, которыя едва касались до полу; прислонясь къ колоннѣ, сложа на-крестъ руки, засмотрѣвшись на танцы, онъ не замѣчалъ, что строгій взоръ внимательнo озиралъ его. Онъ не терпѣлъ такихъ испытаній, и скоро увидѣлъ, что незнакомое ему лице ищетъ прочесть на лицѣ его. Сей любопытный — незнакомый ему чужеземецъ, не будучи замѣченъ, во весь вечеръ не спускалъ очей съ *Лары*. Вдругъ взоры ихъ встрѣчаются и въ безмолвномъ удивленіи вопрошаютъ одинъ другой. На челѣ *Лары* обнаружилось легкое замѣшательство, слѣдствіе недовѣрчивости къ чужеземцу, который грознымъ видомъ, кажется, хочетъ сказать, что онъ знаетъ больше, нежели присутствующіе думаютъ.

XXII.

„Это онъ!“ воскликнулъ чудный незнакомецъ. Сіе восклицаніе, шико повшоряясь, переходило изъ усть въ уста. „Это онъ? кто же?“ спрашивали гости другъ друга, пока сей вопросъ догелъ до ушей *Лары*. Сіи спранныя слова и фізіогномія неизвѣснаго ничего не объясняютъ и возбуждаютъ всеобщее любопытство.

XXIII.

Это было уже слишкомъ; *Лара* не могъ оставишь безъ отвѣта вопросъ, повшоренный съ гордою самоувѣренностью. Нахмуря брови, но голосомъ болѣе швердымъ, нежели надменнымъ, и холодно, сказалъ онъ дерзкому вопросителю: „я называюсь *Лара*, будь спокоенъ! Когда я узнаю швое имя, шо буду отвѣчать на спранные швое привѣтствіе. Я называюсь *Лара*! хочешь ли знать болѣе? спрашивай: отвѣшы у меня головы; я не ношу личины.“ — У тебя отвѣшы головы? подумай хорошенько; есть одинъ, на кошорый сердце швое не осмѣлишься отвѣчать, хотя бы ухо швое его слышало. Всмотришь въ меня пристально. Если ты не напрасно одаренъ памятью, шо ты помнишь о долгѣ, кошорый напрасно уплашишь желаешь: вѣчность запрещаетъ тебѣ забышь о немъ!“ *Лара* спокойно разсмотрѣлъ чужеземца, и не нашель, или не хошѣлъ найши ни одной чершы знакомой: не желая показашъ видъ сомнѣнія, онъ прѣзрительно покачалъ головою и хошѣлъ удалишья; но свирѣпый прищлецъ власши-

тельно остановилъ его: „одно слово, прибавилъ онъ, опвѣчай Рыцарю, кошорый, если ты истинно благородный человекъ, равенъ съ тобою; нѣтъ нужды, чѣмъ ты былъ прежде, чѣмъ ты нынѣ сдѣлался; опвѣчай и не хмурь бровей! — если я буду говоришь ложь: тебѣ легко оправдашься. Тотъ, кто стойшь передъ тобою — не вѣришь коварной швоей улыбка; онъ не запрепещеть, смотря на грозное чело швое. Не ты ли, коего дѣянiя?“ Кто бы ты ни былъ, швои сбивчивыя выраженiя и такой обвинишель, какъ ты, прервалъ *Лара*, не спояшь того, чтобы я долѣ ихъ слушалъ. Пусть легковѣрные слѣпо внимають сказкѣ, безъ сомнѣнiя чудесной, кошорую ты выдумалъ; пусть *Отонъ* даешь пиры шакимъ вѣжливымъ гостямъ, какъ ты: я изъявлю ему объ эшомъ свои мысли и признательность.“

Услышавъ сіи послѣднiя слова удивленный хозяинъ дома, подошелъ къ нимъ и съ убѣдительнымъ видомъ сказалъ: „какой бы важности ни была ваша шайна; не прилично нарушашъ веселое пиршество ссорой. Если Господинъ *Эцеликъ* имѣешь открышь что-нибудь касательно Графа *Лары*: то прошу его подождать: завтра могутъ они объяснишься здѣсь, или гдѣ имъ заблагоразсудишься. *Эцеликъ!* я за тебя порукою; ты мнѣ хорошо извѣстенъ; хошь шакже, какъ Графъ *Лара*, послѣ весьма долгаго отсутствiя, возвращаясь изъ другаго міра, ты почти не имѣешь здѣсь знакомыхъ. Судя по знаменитой

крови, пекущей въ жилахъ Графа *Лара*, онъ наследовалъ и добродѣтели, и мужество своихъ предковъ, и вѣрно поддержишь ихъ славное имя, принявъ вызовъ, основанный на законахъ рыцарства.“

— „И шакъ до завтра!“ — вскричалъ *Эцелнъ*; завтра оба предстанемъ на судище: клянусь жизнью и мечемъ своимъ, что буду говоришь одну правду. О, еслибъ я могъ бышь столько же увѣренъ въ шомъ, что сподоблюсь увидѣшь царствіе небесное, сколько въ истинѣ словъ моихъ!“

Что отвѣчалъ *Лара*?... Глубокія думы поглошили, какъ бездна, всю его душу. Всѣ слова, всѣ взоры, кажешя, обращены на одного его. Онъ безмолвно и шихо озираешъ присушествующихъ; во взорахъ его видно совершенное забытіе. Увы! шакое равнодушіе ясно показываешъ, что онъ швердо памятуешъ минувшія событія.

XXIV.

„Завтра! очень хорошо: завтра!“ *Лара* два раза повшорилъ сіи слова — и умолкъ. Ни чело, ни сверканіе глазъ не обнаружили его гнѣва; шолько въ швердосши голоса, коимъ произнесъ онъ *завтра*, замѣшна была какая-то рѣшимосшь, непоняшная для слушателей. Онъ набросилъ на себя плащъ, легкимъ наклоненіемъ головы проспился съ собраніемъ, и, проходя мимо *Эцелна*, отвѣчалъ улыбкою на угрожающій взоръ сего рыцаря. Въ эшой улыбкѣ не было замѣшно ни радосши, ни спеси, кошорая за недосшашкомъ другихъ средствъ опмщаешъ

презрѣніемъ, но рѣшимость души, увѣренной въ самой себя.

Что же изъясляла сія улыбка: спокойствіе ли и непоколебимость добродѣтели, или злодѣйство, закоренѣлое опъ долговременной безнадежности? Увы! та и другое обнаруживаются весьма сходными знаками, копорые спрудно различить въ лицѣ, или въ словахъ челоуѣка! Одни дѣла наши совершенно разоблачаютъ то, что наша неопытность съ спрудомъ ошгадываешь.

XXV.

Лара кличетъ своего Пажа и удаляется. Красавецъ-юноша, вывезенный имъ изъ дальнихъ спранъ, гдѣ звѣзды ярче блещуть, повиновался не только словамъ, но и мановенію своего Господина. Для *Лары* ошпавиль онъ землю родимую; не смошря на свою молодость, онъ былъ покорень безъ нешерпѣнія, и молчаливъ, какъ господинъ его; преданность его къ *Ларѣ* была выше рабскаго сосшоянія и возраста. Хошя онъ выучился языку новаго своего опечесшва, однако *Лара* весьма рѣдко на немъ объяснялся; но онъ бросался и съ величайшею распорошностію исполнялъ его приказы, какъ скоро слышалъ сладкіе звуки родины, напоминавшіе ему его горы, ихъ эхо, друзей и родныхъ, коихъ ему не суждено уже болѣе видѣшь, и опъ коихъ онъ опрекся, рѣшась слѣдовать за своимъ господиномъ. *Лара* былъ для него все на землѣ — и надежда,

и покровишель. И шакъ, не удивишельно, что онъ съ нимъ не разсавался.

XXVI.

Молодой невольникъ былъ спроенъ; нѣжныя чершы его не зачерсвѣли опъ солнца, не загорѣли опъ пылающимъ лучей, и на щекахъ его нерѣдко прошивъ воли выступалъ румянецъ. Сія прелестная краска не здоровье и не счастье, но какое-то внутреннее беспокойство обнаруживала. Какъ яркія звѣзды горѣли глаза его; какъ электрической огонь сверкали въ нихъ его мысли; длинныя рѣсницы одѣвали черные зрачки его какою-то сладкою задумчивостью; однако же, въ нихъ больше видна была спесь, нежели горесъ, или, по крайней мѣрѣ, шакого рода горесъ, кошорою не хощѣлъ онъ ни съ кѣмъ дѣлиться. Игры, коихъ жадно искали молодцы, его сверспники, забавы, коими занимались веселые пажи, не имѣли для него ничего привлекательнаго. Онъ по цѣлымъ часамъ приспально глядѣлъ на *Лару*, и не слыхалъ ни одного звука, не видалъ ни одного предмеша: вся душа его занята была симъ созерцаніемъ. Когда господинъ покидалъ его, то онъ бродилъ одинъ по окрестностямъ. Опшѣшы его были корошки; вопросовъ самъ никому не дѣлалъ. Дремучіе лѣса были его любимую прогулкою; его забавы — чшеніе какой-то чужеспранной книги; постелею — берега ясныхъ ручьевъ; онъ, казалось, подобно своему власшиселю, былъ чуждъ всего, что прельщаетъ взоръ и очаровываетъ сердце; не

брашался съ чловѣками, и однимъ печальнымъ бы-
шіемъ былъ привязанъ къ землѣ.

XXVII.

Онъ любилъ одного *Лару*; но однимъ безпредѣль-
нымъ уваженіемъ и покорностью изъяслялъ свою при-
вязанность; внимательный и безмолвный, его усердіе
ощадывало всѣ желанія его господина, и когда сей
не произнесъ еще ни одного слова, они уже были
исполнены. Гордость видна была во всѣхъ его по-
ступкахъ, гордость, кошорая шавила себя выше
взысканій. Унижаясь иногда до рабскихъ должностей,
онъ только руками исполнялъ ихъ, но взоръ его еще
былъ повелителенъ: однимъ словомъ, онъ всячески
шарался выказать, что служишь не изъ денегъ;
исполняешь не волю господина, но свою собственную.

Лара щадилъ его и не возлагалъ шрудныхъ долж-
ностей: Пажъ держалъ шремя, носилъ за нимъ мечъ,
нашпроивалъ арфу, или чишалъ въ слухъ господину
своему шаринныя и на чужеземномъ языкѣ написан-
ныя книги. Пажъ не входилъ въ общество съ дру-
гими служителями, не сближался и не показывалъ
имъ презрѣнія; но составилъ себѣ правило поведе-
нія, въ коемъ видно было, что онъ не имѣлъ съ
ними ничего общаго. Какъ бы высокъ ни былъ родъ
его или санъ, онъ могъ, не унижая ихъ, сосшояшь
въ службѣ *Лары*, однако же не на ряду съ простыми
слугами. Видъ его и осанка показывали благородную
кровь; онъ когда-то зналъ счастье. Бѣлыя руки его
не носили знаковъ тяжелой работы. Ихъ нѣжность

и прелестное лице засматывали подозрѣвать, что онъ переодѣшая женщина. Между тѣмъ, спесивые и нѣсколько дикіе взоры не похожи были на женскіе; въ нихъ сверкалъ огонь, кошорый обнаруживалъ вліяніе знойнаго климата на слабое и нѣжное шѣло прекраснаго Пажа; лице его измѣняло иногда, выражая сей спррастный пламень, но слова — никогда.

Сей Пажъ назывался *Каледомъ*, хопя многіе увѣряли, будшо онъ носилъ другое имя въ своемъ гориспомъ опечесшѣ. И дѣйствительно случалось, что онъ иногда не откликался, когда его звали непривычнымъ для него именемъ; а иногда, какъ будшо вспомнивъ, что онъ переименованъ, отвѣчалъ зовущему съ боязливою шоропливостью. На зовъ *Лары* бѣжалъ онъ безъ памяти: его уши, глаза, сердце — ловили съ жадностью сіи милые имъ звуки.

XXVIII.

Неожиданная ссора, нарушившая веселое пиршество, не ускользнула отъ вниманія молодаго Пажа. Госши вокругъ него дивились увѣренности, съ кошорою незнакомецъ вызвался обличить *Лару*, и равнодушію сего послѣдняго къ столь чувствительной обидѣ. Слыша сіе, *Каледъ* нѣсколько разъ въ лицѣ перемѣнялся; его уста синѣли, а щеки шо багровѣли, шо блѣднѣли попеременно; чело его покрывлось холоднымъ потомъ, кошорый выступаетъ тогда, когда сердце наше изнемогаетъ подъ тяжестью думы, кошорую напрасно желаемъ мы отшолкнуть отъ него. Такъ! ешь дѣла, шребующія

мгновеннаго, опважнаго исполненія. Тутъ не надобно ждаль, чшобы размышленіе насъ о шомъ увдомило. На какой бы мысли ни оспановился *Каледъ*; но она заградила ему уста и измѣнила лице его. Онъ вперилъ неподвижные глаза на *Эцелина*; улыбка презрѣнія, кошорою *Лара* мимоходомъ просидлся съ симъ рыцаремъ, вывела *Каледа* изъ оцѣпененія. Сія улыбка сказала ему болѣе, нежели всѣ разговоры и пересуды гостей — и даже видъ самаго *Лары*. Онъ опромешью бросился за своимъ господиномъ — и оба они въ одну минуцу исчезли. Гости, оставшіеся въ замкѣ, сначала думали, что *Лара* и Пажъ его удалились въ другую комнату. Каждый съ такимъ вниманіемъ наблюдалъ чершы *Лары*, каждый споль обшояшельно вникнулъ во всѣ малѣйшія обшояшельства сей чудной сцены, что едва только пѣнь его переспунила за порогъ двери и опъ блеска свѣшочей не рисовалась болѣе на спѣнь, всѣ сердца запрепешали, подобно какъ человекъ, испуганный во снѣ, хошя и помнишь, что это не на-яву случилось, но все еще не скоро совсѣмъ очнешя.

Лара и *Каледъ* исчезли... торжествующій *Эцелинъ* спояль въ глубокой думѣ; чрезъ часъ и онъ опгланялся и уѣхаль.

XXIX.

Толпа рѣдѣла; наконецъ, радушный хозяинъ и ушомденные гости разошлись по спальнямъ для

нихъ пригошовленнымъ. Тамъ — на постелѣ веселіе
успихаешь, а горешьъ вздохами зовешь къ себѣ сонъ,
сладкое забвеніе жизни, въ копоромъ несчастли-
вецъ находишь ошраду опъ золь, имъ прешерпъ-
ваемыхъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Ч У В С Т В О В А Н І Я

Четырнадцати-лѣтняго Россіянина (*) при гробѣ Монарха
АЛЕКСАНДРА I-го.

Свѣтло Росское сокрылось!

Померкнулъ благотворный свѣтъ!

Лице Россіи помрачилось:

Въ ней свѣта — АЛЕКСАНДРА нѣтъ!

Сіялъ Онъ мудросью державы,

Душой былъ благъ, великъ и шпердь!

Жилъ для добра, а не для славы,

Ко всѣмъ являлся милосердь.

(*) „Четырнадцати-лѣтний сынъ мой Николай, имѣвшій счастье показывать въ 1822-мъ году въ С. Петербургѣ талантъ свой въ вгрѣ на Арфѣ въ присутствіи Императорской фамилии, нынѣ обратилъ способности свои и къ стихотворству; пишетъ къ Издателю Новостей литературы счастливый Родитель юнаго поэта, — „Изъ числа нѣкоторыхъ произведеній дѣтской его Музы, имѣю честь препроводить къ вамъ на благоусмотрѣніе одну пѣсу, написанную имъ въ память въ Бозѣ почившаго и вѣчно-незабвеннаго Монарха нашего АЛЕКСАНДРА I-го.“

Сіялъ Онъ правою дѣла;
Любилъ, покоилъ свой народъ:
Россія въ Немъ — Отца имѣла,
А церковь — камень, щиптъ, оплотъ.

Какъ другъ, Европы свободитель,
Сіялъ любовію Царей,
И былъ благой возстановитель
Упавшихъ троновъ, алшарей!

Его и имя и дѣянья
Гремятъ во всѣхъ земли концахъ;
А къ подданнымъ благодѣянья
На вѣкъ остались въ ихъ сердцахъ.

Но благотворное Свѣтило,
Въ залогъ безсмертья своего,
Опялъ намъ образъ свой явило;
Зрѣмъ въ НИКОЛАѢ свѣтъ Его!

Сей Царь нашъ новый, вселюбезный,
Равно для подданныхъ Отець;
И промыслъ Божескій, небесный
Благословитъ Его вѣнецъ.

Онъ благомъ сердца обладаетъ,
На Тронъ будетъ челоуѣкъ!
Съ Нимъ возвратишься, возсіяетъ
Счастливымъ АЛЕКСАНДРА вѣкъ!

Николай Девитте.

Э К Л О Г А VI.

ВА Р Р У С Ъ.

С о д е р ж а н і е.

Она посвящена Варру, одному из знаменитѣйшихъ того времени мужей Рима. Виргилій заставляетъ въ ней Силена повѣствовать о началъ и сотвореніи міра, сообразно системъ Эликуровой, которой самъ сей пѣснопѣвецъ былъ ревностнымъ послѣдователемъ.

Первая Муза моя Сицилійскія пѣсни воспѣла;
Муза моя въ смренныхъ лѣсахъ обитать не стыдился.
Фебъ запретилъ мнѣ гремять • Царяхъ и сраженьяхъ на лирѣ.
Тяширь! онъ мнѣ сказалъ, ты пастухъ и тучное стадо
Долженъ пѣсти, играть проспя сельскія пѣсни!
Нынѣ я (пѣснопѣвецъ довольно, которые громко,
Варрусъ! победы твои безъ меня воспоютъ и прославятъ!)
Сельскую пѣснь на простой свирѣли наигрывать стану.
Фебъ мнѣ пѣснь заповѣдалъ, и сельской жизни любитель,
Строки сія прочитавши, о Варрусъ! увидишь, что роци,
Холмы и доли гремятъ твоей похвалою: нѣтъ Фебу
Тѣхъ пріятнѣй стиховъ, гдѣ имя Варра сіяетъ.

Пойше же Музы! Въ вершѣ два пастуха подсмотрѣли
Спящаго крѣпко Силена, во снѣ разметавшаго члены:
Жилы его еще полны виномъ отъ вчерашняго хмѣля;
Взяъ цвѣтвъ и вѣнокъ съ головы на землю свалились;
На полсѣ у него висѣла широкая чаша.
Юноши случаю рады; вѣдь онъ обѣщаль имъ давно ужъ
Пѣсню... схватили — и старца связали его же цвѣтами.
Къ нимъ подоспѣла Аглая — Наяда: рѣзвая, топчась
Робкихъ она ободрила, и видя, что старецъ проснулся,
Краснымъ ягоднымъ сокомъ и лобъ и виски расписала.
Старецъ сѣлся надъ шупками ихъ, говоря: развяжите,
Юноши! будешь того, что меня подсмотрѣли въ вершѣ.

Я сдержу обѣщанье: слушайте, пѣсню спою вамъ.

Ей же другая награда! — И въ ту же минуту запѣлъ онъ

Сладко и складно: въ восторгъ запрыгали звѣри и Фавны;

Слушая жадно, головой помавали швердые дубы.

Нѣтъ, не столько Парнаскій утѣсь веселился о Фебъ!

Нѣтъ, не столько Исмаръ и Родопъ дивятся Орфею!

Въ самомъ дѣлѣ, онъ пѣлъ, какъ въ страшномъ пространствѣ стихіи.

Воздухъ, вода и земля и прескучее пламя смѣшавшись

Вмѣстѣ, боролись; какъ изъ первыхъ началъ развиваться

Стали всѣ существа — и мягкій нашъ мѣръ округлился;

Какъ земля отвердѣвъ заперла въ брегахъ океанъ, и

Какъ по немногу свой образъ всякая вещь воспріяла;

Какъ удивилась земля сіянію новаго солнца;

Тучи распаявъ, въ бурномъ дождѣ съ небесъ пролилися;

Стали древа съ земли поднимаются, и какъ по немногу,

Началъ звѣри бродить по горамъ и лѣсамъ незнакомымъ.

Дальше, воспѣлъ онъ царство Сапурна, Пиррины камни,

Врановъ Кавказа, съ небесъ Промееемъ огонь похищенный.

Онъ возвѣстилъ, какъ на дно увлеченнаго Гиласа други

Кликали: Гилась! Гилась! — И берегъ кликалъ за ними.

Онъ сожалѣлъ о любви Паздеан несчастной... О, ужась!

Юный быкъ блоснѣжный предметомъ Царевниной страсти!

Дѣва злосчастная! гдѣ пивой прежній разсудокъ дѣвался?...

Претовы дщери поля оглашая подложнымъ мычаньемъ,

Выю склонить подъ ярмо опасаясь, по рощамъ блуждая,

Щупая роги на бѣломъ чель, и въ самомъ безумствѣ

Страсшью постыдной такою къ быку никогда не горѣли.

Дѣва злосчастная! ты за нимъ рыщешь, а онъ какъ глыба

Благо снѣга лежишь опдыхая на мягкой лужайкѣ,

Блѣдную праву подъ темнымъ кленомъ жуешь, равнодушный;

Иль запримишвивъ въ стадѣ, бѣжишь за красной пелицей.

Кришскія Нимфы! заприйте, заприйте лѣсныя дороги,

Если нечаянно слѣдъ бродящій быка усмотрѣли

Вы на дорогахъ заглохшихъ травой! Бышь можетъ, что съ луга
 На лугъ переходя и съ цвѣтовъ срывая верхушки,
 Онъ забредешъ за шелпцей гонясь и въ загонъ Гортана!
 Старець воспѣлъ Ашаланшу, въ бѣгу побѣжденную хипро
 Золотомъ яблокъ; попомъ Фаэтоновыхъ сеспръ онъ корою
 Горькою ольхи одѣвъ, осѣнилъ ихъ вѣтвями,
 Громко воспѣлъ, какъ Галль подошелъ къ Пермесскому поку;
 Какъ, Аонидой ведомый, достигъ онъ вершинъ Геликона;
 Какъ при видѣ мужа сего съ мѣснъ Музы возстали;
 Какъ ему Линусъ въ вѣнкъ изъ цвѣтовъ и зелени горькой,
 Линусъ, пастухъ знаменитый, рекъ божественнымъ гласомъ:
 Музы дарятъ тебѣ пой самой свирѣлю, на коей
 Старець Аскрейскій игралъ, и голосомъ сладкимъ
 Съ горъ высокихъ сводилъ умягченные дубы и вязы:
 Пой на этой свирѣли начало Гринейскаго лѣса;
 Пой, да похвалился имъ Аполлонъ предъ всеми лѣсами.
 Кончивъ же, Цицилу воспѣлъ онъ, Низоса дщерь и другую
 Цицилу, у коей вокругъ былого пѣла — молва предстаетъ —
 Зѣвы лающихъ псовъ какъ поля, псовъ, расперзавшихъ
 Спущниковъ робкихъ Улисса въ клокочущей пропасти черной.
 Всели повторять? Онъ пѣлъ превращеніе въ пшцу Теря,
 Ппръ, Филомелою данный Терю и спрашныя брашна,
 Скорость, съ какою несчастный сей Царь взвѣсившъ на крыльяхъ
 Выше прежнихъ чертоговъ своихъ, сокрылся въ пустыню.
 Такъ Силенъ повторилъ имъ пѣсни, которыя древле
 Себѣ воспѣлъ на счастливыхъ брегахъ Эвротеса, и лавры
 Вторили звуки. Пѣлъ Силенъ — и эхо долины
 Пѣсни къ звездамъ доносило. Но Весперь, къ печали Олимпа,
 Всталъ — и велѣлъ пастухамъ собрать овецъ и повѣрить.

Съ Латин. А. Воейковъ.

ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТУ А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.

Ты — страдающимъ душой поможешь ;
Ты — за отчизну . . . жизнь положишь . . .
Ты . . . : кровь прольешь за Царскій Тронъ.
Батавія и Албiонъ (*)
Геройскій подвигъ твой почтили.

Когда жъ Петрополь окружили
Всѣ ужасы бурныхъ волнъ . . .
Ты жалостью къ несчастнымъ полнъ,
И страхъ и смерть пренебрегая . . .
Ошь волнъ — тонувшихъ забавляя . . .
Тутъ — дышамъ возвратилъ ошца . . .
Тамъ — ошогрѣлъ оледенѣлыхъ ; —
Тутъ — приюнилъ осиротѣлыхъ . . .
Тамъ бѣдныхъ оживилъ сердца. —

Высокимъ чувствомъ вдохновенный,
Добру и правдѣ вѣрный щипъ !
Твоею доблестью плененный,
Безвѣстный въ мiръ семъ щипъ,
Тебѣ въ душѣ швердя хваленье,
Мольбы къ Всевышнему возслая :
Чщобъ жизни каждое мгновение
Ты радостью одной щипалъ ;
Чщобъ дней швоихъ подруга вѣжна, —
Тебя щиплящая душой . . .
Всегда на счастье надежна —
Тебя ошастливала собой ;

(*) Генераль-Адъютантъ А. Х. Бенкендорфъ имѣеть отъ Королей :
Нидерландскаго золотую шпагу съ надписью : *Амстердавъ и*
Бреда, и отъ Великобританскаго золотую саблю съ надписью :
за подвиги.

Чтобъ дароваль Небесь-Зиждишель
Тебъ всѣ блага жизни сей. —
Великъ Герой и побѣдитель . . .
Ты выше ихъ ты другъ-людей.

С. Вилковато
вѣ.

ПРОГУЛКА ПО НЕВѢ.

Вчера съ Пльнирою гуляя,
Я въ легкомъ плавала челнокъ,
И красный тихій вечеръ Мая
Румянилъ виды въ далекъ.
Челнокъ кашился по срединѣ,
Двѣлилась пѣна по зыблямъ,
Бѣжалъ по зеркальной равнинѣ
Ошъ весель кругъ по споронамъ
Съ волной зephyры чуть шептались
Заря, сводъ неба голубой,
И шпилъ горящій золошой
Въ Невѣ спокойной отражалась,
Тамъ опдаленный гуль людей;
А здѣсь видъ крѣпости угрюмой,
Гдѣ прахъ покоиися Царей. —
Здѣсь все молчитъ объято думой;
Лишь въ башнѣ слышенъ бой часовъ
И спражи мѣрный звукъ шаговъ
Нева въ границъ свой не плескалась
И не кашилась въ спруяхъ,
Оцѣпенѣвъ въ своихъ брегахъ,
Казалось, ими любовалась!

Но я бреговъ не замѣчалъ,
Невѣй роскошной не пльнялся,
Спрунъ лѣниво разсѣкалъ —
Одной Пльнирой занимался!
Какъ часто любовался я,
Когда она воды пугалась,
И грудь высокая ея
Съ покровомъ легкимъ подымалась,
Когда ея младая кровь
Румянцемъ рѣзвымъ украшала,
Или украдкою любовь
Ей въ робкихъ взглядахъ измѣняла!
Я къ ней зефиря ревновалъ,
Когда съ косынкой онъ шептался
И скрытыхъ прелестей касался!
Я таялъ спрасшью — обивралъ —
Я ревновалъ къ ней всю природу
И даже зеркальную воду,
Гдѣ милый ликъ ея дрожалъ!

В. Марковъ.

ГИБЕЛЬ ПЕРСИДСКОЙ АРМИИ ВЪ ПУСТЫНЯХЪ ЛИВІЙСКИХЪ.

(Эпизодъ изъ *Демилевой Поэмы: Три царства Природы.*)

— Другъ равновѣсія и воздухъ, какъ вода ;

Но ежели его свободный шокъ когда

Захочешь удержашь рука самой Природы :

Тогда изъ облаковъ бродящихъ хлынушь воды,

И сквозь раздранныхъ пучъ, багровыхъ, какъ пожаръ,

То стрѣлы молніи, шо громовой ударъ.

Иль въспры налешъвъ, вожди и шьмы и бури,

Ночною завѣсой зашелоушъ свѣшъ лазури ;

Соперникъ бури водъ, Духъ бури горнихъ спирашъ,

Какъ море, взростъ весь воздушный океанъ.

И часто наглый сынъ сердитаго Эола,

Челомъ своимъ небесъ, спопой касаясь дола,

Ревущій Ураганъ спремншся на крылахъ :

За нимъ развалины, предъ нимъ предыдетъ сирахъ :

Искореняешъ лѣсъ, желъзо разрываешъ,

Упесы тяжкіе за облака бросаешъ,

Вода ручьевъ и рѣкъ разбрызгана до дна,

И домъ и хижина съ землею сравнена.

. (*)

.

.

.

Такъ воздухъ вихрился, спремяся къ уравненью,

И въ добычу земля вѣсхъ въспровъ нападенью.

И кто не слыхиваль, какъ люшо въ знойны дни

Въ пустыняхъ Африки свирѣпешвуюшъ они :

Кіоски, хижны, вельблюдовъ погребашъ,

Богатый караванъ песками засыпаюшъ?

(*) Сии шокки поставлены самимъ Авторомъ.

Что говорю я? вихрь и войска побѣждали,
Надъ ними море оиъ песчаное промчалъ.
Природа за себя опимщается, въ знойной степи
Зарывъ сихъ воиновъ, ковавшихъ міру щѣпи.
Несчастливый Камбизъ! будь мнѣ свидѣтель здѣсь!
Побѣдой быспроу смиривъ Египтянъ спѣсь,
Ливійскимъ ты богамъ грозилъ, надежды полный.
Полки ивонъ шекли безчисленны, какъ волны,
Смѣшеные тридцати племенъ и языковъ,
Пришедшихъ съ Индовыхъ и Ганговыхъ бреговъ;
И солнце Африки, горящее столь жарко,
Ощвѣчивалось въ ихъ щитахъ и лапахъ ярко.
При блескѣ молніи взывалъ въщерь, грянуль громъ,
И пыли облака заспали свѣсь кругомъ,
День скрылся . . . удивясь прѣ новой и ужасной
Спрошивляется Ошвага, но напрасно,
Какъ скачешъ борзый конь подъ всадникомъ лихимъ:
Такъ мѣшся Ураганъ вокругъ нихъ и встрѣчу имъ,
И обвиваешъ спрой покровомъ черной пыли.
Сперва полки бодрясь, ряды свои спѣснили
И спали прошивъ бурь и подвижной земли,
Не на долго! Боязнь и Смуша все въ пылу
Поспѣшно воинства дружны обжали —
И ратники и духъ и бодрость потеряли;
Разорваны ряды; забыты власпъ и связь.
Мѣшаясь, расходясь, спшбаясь, дѣлясь,
Народы разные въ одномъ спѣснились мѣстѣ,
Изломанныхъ щитовъ и копій груды вмѣстѣ;
Одинъ другаго претъ, одинъ другаго спибъ,
Тотъ спашъ, сей, изнемогъ, шопъ сдавленный погнбъ
И рать въ глубокой пымъ, гдѣ сердце содрогаешъ,
Безъ битвы, смутный видъ сраженъя представляешъ.
Животныхъ и людей единый страхъ обяля;
Одинъ на одного и конь и всадникъ палъ,

И опрокинуты вельблуды на вельблуды,
И съ башнями слоны — чудовищныя груды.
Какъ море грозное дробится о скалы,
Такъ здѣсь вспаюшь, кипяшь и стелются валы,
Пескомъ горячимъ бьюшь и вѣжды сожигаютъ,
Устамъ дышатъ прешають, глазамъ глядѣшь мѣшаютъ.
Въ могилу нисходишь ужасно для живыхъ,
И буря съ шоржествомъ знамена носить ихъ,
Покрытыхъ шучею и черной и ужасной;
Зовушь одни другихъ, злосчастныя, напрасно.
Вашь крикъ недостижимъ, и бури вой громчѣй;
Вѣтръ яростнѣй, песокъ волнуется сильнѣй,
И если буря ихъ перзаетъ на мигъ усанешъ,
Дрожащая толпа упавшихъ воевъ усанешъ
И ищешь твердо спать скользящею ногой.
Ахъ, скоро Ураганъ гнѣвъ усугубилъ свой
Рвешъ землю, мечешъ вверхъ и внизъ безъ упоменья,
Какъ ливень сыплешъ прахъ, какъ крупный градъ каменя;
За вѣтромъ мчится вѣтръ, и волны въ слѣдъ волнамъ,
Ослабы нѣтъ борьбъ, надежды нѣтъ борцамъ.
Неушомимыми вихрь воздухъ бешъ крымами
И засыпаетъ ихъ песчаными холмами.
Едва кой-гдѣ вверху замѣшно копѣ,
Иль древка знамени выходитъ острие;
Надъ ними бездна ихъ пожавшая зѣяетъ,
То закрываетъ зѣвъ, то снова растворяетъ,
То свѣтъ проглянетъ имъ, то скроется изъ глазъ;
Несносный крикъ ему привѣшь въ послѣднѣй часъ.
Свершилося! — Уже едва борясь съ могилой,
Сія огромная руина съ новой силой
Приподнимается — и упадетъ въ ровъ.
Тогда прощажный вопль раздался изъ гробовъ —
Народа цѣлаго могильное спенанье!
День умеръ, ночь взошла — и въ горестномъ молчаньи

Земля представила пустыни мертвый видъ,
Гдѣ запустѣніе обширное лежишь.
Несчастные! ни Гангъ, ни Индъ, странъ вашихъ рѣки,
Спруей спуденой васъ не прохладяшь во вѣки.
Вы мнили, возвращаясь въ край милый и родной,
Вновь познакомясь и съ плугомъ и съ косой,
А сами скошены и полегли въ чужбинѣ,
И кости пыльные разбросаны въ пустынь! . . .
И мимо пушники со препетомъ спѣшащъ
И объ опасности ихъ собственной дрожащъ.

Воейковъ.

Царское Село.

1825 года,

Августа 20-го дня.

КЪ Д Е Л І Ю.

Пускай ты испышалъ судьбы своей гоненье;
Пребудь, о, Делій мой, душой непоколебимъ.
Безъ алчности любви сей жизни наслажденье;
Чась смерти роковой для насъ неопразднъ.

*

На жертву ль горести съ рожденья обреченный,
Безъ пользы юности златые дни влачплъ?
Или възвѣвъ на злакъ, весною возрожденный,
Фалернское вино въ стѣни прохладной пилъ?

*

Туда, гдѣ темна ель съ трепещущею пвой
Обнявшись дружески, склонилися на брегъ,
Гдѣ влагой сребряной источникъ говорливой
Скользишь по зелени, удвой быстрый бѣгъ,

*

Вели ты принесши вино и ароматы;
И розы; — бренности краснорѣчивъ ихъ видъ!
Доколь бодръ, — лови утѣхи чась крылашый,
Коль Парка грозная тебѣ его дарить.

*

Наступишь чась — тогда прости сей садъ прохладный,
И пышные цвѣты, и лоно шихихъ водъ;
Съ коварной радостью сорветъ наследникъ жадный
Съ шрудомъ, шerpнiемъ тобой взрощенный плодъ.

*

Родился ль въ нищеть, обиженный судьбою,
Иль славой праотцевъ швой знатный родъ блестящъ,
Все встрѣшшишь нѣкогда смерть блѣдную съ косою:
Неумолима нашъ стонъ не умягчишь.

*

Всѣ смертныхъ имена рукою Провидѣнья
Равно вращаются средь урны роковой,
И рано ль, поздно ли, ко берегу започеня
Мы будемъ брошены подземною волной.

Д. И. М.

ОСТАВЛЕННОЕ ЖИЛИЩЕ.

Элегія.

(Вольный переводъ изъ Мильвуа.)

Увы! ея ужъ нѣтъ со мною!...

Давно печальный часъ разлуки прозвучалъ!

И знать съ измѣнницей — мечтою

Мнѣ вѣстило все, чѣмъ сердце обольщала!...

Но, горестный, въ жилище Нины

Пойду я робкою стппой!

Тамъ буду проклинать жестокости судьбины —

И говорить еще, о мвляя, съ тобой! —

И я пришелъ къ обшпели знакомой!

Ужъ ключъ таинственный мнѣ двери отворилъ!

Все пусто вкругъ меня! Унынiемъ влекомой,

Я всюду взорами туманными бродилъ —

И спать окрестности средь тишины ночныя!

Лишь спреказа подъ муравой жуужилъ!

И возмеша порой на сосны вѣковыя,

Пустынная сова пѣснь полночи гласить! —

О! сколь печальное въ жилищѣ семъ молчанье!

Остановилася здѣсь стрѣлка на часахъ,

Чтобы не воскрешать въ душѣ воспоминаше

О прошлыхъ, невозвратныхъ дняхъ!..

Здѣсь арфа звучная, съ ослабшими струнами,
Безмолвствуя, виситъ въ забвеньи на стѣнѣ....

Ахъ, Нина! нѣкогда прелестными перстами
На ней признанія любви играла мнѣ....

И можешь быть любовь, какъ оной арфы звуки,
Уже исчезла навсегда!

Исчезла.... но моей души и скорбь и муки
Неизлѣчимы никогда!....

И гдѣ ты, Нина, другъ со мною разлученный?
Въ какихъ живешь странахъ небесныхъ или земныхъ?

Гдѣ дни прекрасные, спезей невозмущенной,
Текутъ, какъ ручеекъ межъ береговъ родныхъ?..

Мои глаза, еще все полные слезами,
Когда утѣшались швоею красотою?

Когда ты, милый другъ, невнятыми устами,
Мнѣ снова повторишь любви объшь свяшой?...

Но новый другъ уже въ чужбинѣ
Навѣкъ тобой, быть можешь, завладѣлъ!..:

Увы! жестокосердой Нинѣ

Уже не жалостень плачевный мой удѣлъ!..

Я жъ какъ цвѣтокъ, съ восшедшею зарёю

Мгновенно винущій на оптическихъ поляхъ;

Забывшій, милая, побую —

Быть можешь, съ жизнію прощусь въ младыхъ годахъ!...

И мой могильный холмъ, печально — одинокой,

Близъ незабвенныхъ обиталищъ швоей,

Пришельца привлечешь — и въ думѣ оней глубокой

Навѣрно посвяпишь мнѣ вздохъ души швоей!...

И я, любовью окрѣпленный,

Примчусь изъ вѣчности свяшой;

И, стѣнь незримая, сей кровь, о, другъ безцѣнный!

Я буду охранять, какъ спражь надежный швой!

А ты, ведомая таинственной судьбою,

Вновь посылая шпану швоихъ опцовъ,

Уже ли не почтешь мой пыльный прахъ слезою —
И не украсишь гробъ и горстію цвѣтшю?...

И. Бороздна.

Москва, 1822 года,
Января 1-го дня.

Э Л Е Г И Я.

(Незабвенной)

Давноль природы красота —
Корина взоры всѣхъ плѣняла,
И между юныхъ, мнлыхъ дѣвъ
Какъ между звѣздъ луна сіяла?
Здоровья блескъ, огонь ланишь,
Все жизнь ей долгую сулило,
И что жъ? несчастный, слезы лью
Надъ раннею ея могилой.
Спасши ее молилъ судьбу,
Моленье было бесполезно!
И кубокъ жизни и любви
Отъяла смерть опъ успѣ прелестной.
Безъ ней я къ міру охладѣлъ.
Ахъ! сердце, обольстися мечшою
Блаженства прежняго, кипишь,
Кипишь студеною волною!

М — ль Яковлевъ.

1825 года.

ЭЛЕГИЯ.

Я зналъ живое заблужденъе ;
Любовь пѣвалъ я — были дни!
Теперь умчались они ;
Теперь клянѹ ея волненъе ;
Ея блудящіе огни.

Я понялъ вътренность прекрасной,
Пустые взгляды и слова,
И въ сердцѣ спихнулъ жаръ опасной
И не кружился голова.
Гляжу съ улыбкою, какъ прежде,
Въ глаза кумиру моему ;
Но я не вѣрю надеждѣ,
Но я молюся не ему.

Н. Языковъ.

ЭПИГРАММЫ.

1.

Соль остряка.

Какъ, въ Эпиграммахъ, Гома,
Нѣтъ соли, говорятъ?!
Напротивъ я скажу: опъ нихъ купцу забота,
Читашедю зѣвота,
А смыслу машъ;
Всѣмъ солони онъ и онъ же виноватъ!

2.

Друзья и кладъ.

Одинъ мудрецъ сказалъ, хотя и не въ стихахъ:
„Найди друзей — найдется кладъ въ друзьяхъ.“
Я то же повторю обратными словами:
„Найди ты кладъ; друзья найдутся сами.“

3.

Скромность Автора.

Безтолковъ взгромоздилъ огромный басень шомъ,
И ну пускатъ въ Журналь свои тешради,
Прося однако же Издашеля о шомъ,
Чшобъ имени его не высавлялъ въ печати.
Писатель скромно поспунилъ;
Издашель же еще скромнѣе былъ:
И имя онъ, и басни скрылъ.

4.

Эпитафія дуриному Архитектору.

Земля! дави его. Нескладныя громады
Настроивъ, самъ себя давилъ онъ безъ пощады.

5.

Братскія объятія.

„Ты давишь, а не жмешь меня, боюсь!“

Пусти меня, я задуюсь!“

— Я жму тебя съ любовью брата. —

„Ну, такъ погибъ я безъ возврата.“

6.

Эпитафія.

Графъ *Ладовъ* все имѣлъ: помѣстья, шипла громки;
Онъ предкамъ долженъ всѣмъ, а чѣмъ ему потомки?

7.

Лѣкаръ-Стихотворецъ.

Клижъ Лѣкаръ и *Пишъ* не выдепъ вѣкъ изъ моды;

Съ его шаланшами ему легко лѣчить:

Есть Драмы у него больнаго размѣшивъ,

А усыпипъ — есть Оды.

Иллитевскій.

Конецъ 15-й книжки.

Печаташь позволяешся: Марша 6-го дня, 1826 года.

Цензоръ А. *Бируковъ.*